

Человек в шмели

РАССКАЗЫВАЮТ
ФРОНТОВИКИ

РАССКАЗЫВАЮТ
ФРОНТОВИКИ

Ф. Третьяков

**ЧЕЛОВЕК
В
ШИНЕЛИ**

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА — 1966

Книгу «Человек в шинели» написал Федор Андреевич Третьяков — политработник Советской Армии, полковник запаса. Он посвятил ее друзьям однополчанам — воинам 47-й Невельской стрелковой дивизии.

Родился Ф. А. Третьяков в 1909 году в Сибири. В 1929 году добровольно ушел в армию и пробыл в строю три десятилетия, пройдя путь от красноармейца до полковника. В годы Великой Отечественной войны участвовал в боях против немецко-фашистских захватчиков в составе 47-й Невельской стрелковой дивизии.

Автор рассказывает о тех людях, с которыми шел многотрудными фронтовыми дорогами, делил тяготы невзгод и радости побед. Он тепло пишет о мужественном сержанте-артиллеристе

Илье Репине, о дерзком разведчике Романе Мамайчуке, о ротном агитаторе, человеке большой души, старшине Амбарцуме Тевосяне, о славной девушке Аняте Максаковой — отважном санитарструкторе и других солдатах, сержантах и офицерах.

ВСТРЕЧА НА СТАНЦИИ

*Герой — это тот, кто творит жизнь
вопреки смерти, кто побеждает смерть...*

М. Горький

Прошлое со временем забывается, но иной раз, спустя много лет, мимолетная встреча, короткий разговор или неожиданное письмо напомнят о давно прошедших днях, и тогда в памяти оживают люди, события, участником которых довелось быть. Так случилось однажды и со мной.

Несколько лет тому назад я возвращался из Ленинграда в Симферополь. Ранним летним утром поезд остановился на станции Полоцк. Я вышел из вагона: передо мной — красивое здание вокзала, залитое яркими лучами солнца, кругом — веселый говор, смех.

Полоцк!..

Это слово напомнило многое, воскресило пережитое. В памяти всплыло такое же солнечное июльское утро военной поры. Я решил пройтись по перрону; мысли неотступно возвращались к этому слову — «Полоцк»...

— Разрешите обратиться? — прервал мои воспоминания глуховатый голос.

Около меня, вытянувшись по-солдатски, стоял невысокий, подтянутый мужчина средних лет. На нем

не раз стиранная, выцветшая, но свежевыглаженная гимнастерка, на груди — новенькая орденская планка. Безукоризненно белый подворотничок резко выделялся на загорелой, в морщинках шее. Обветренное лицо с обвисшими поседевшими усами и удивительно ясными голубыми глазами казалось добрым и в то же время слегка насмешливым; на нем играла усмешка бывалого, выдавшего виды солдата.

— Вы служили в политотделе 47-й Невельской дивизии? — осторожно спросил он.

Лицо его вдруг показалось мне знакомым, но я никак не мог вспомнить, где мы встречались.

— Вы, товарищ полковник, мне партийный билет вручали... Под станцией Оболь! — продолжал он. — В июне 1944 года... Разве такое забудется... Наумов моя фамилия. Егор Наумов, может быть, помните?

— Наумов... — повторил я, и сразу на память пришла первая встреча с ним.

Однажды перед боем, прямо в землянке на переднем крае, я вручал нескольким бойцам полка партийные документы; выдал и ему партбилет. Он тогда горячо и взволнованно говорил о долге коммуниста; голос его и запомнился мне.

— Здравствуйте, товарищ Наумов! — обрадовался я однополчанину.

Мы крепко пожали друг другу руки. Наумов спросил, где я работаю, назвал имена офицеров и солдат, с кем встречался за эти годы. Затем стал рассказывать о себе, о своей работе. Он — мастер цеха, живет и работает в Полоцке... Слушая его рассказ, я заметил, что он то и дело оглядывался по сторонам и, прищурившись, внимательно присматривался к людям. «Кого-то ищет!» — подумалось мне. Поглядывая на бывалого воина, на колодки орденов Красной Звезды и Славы, на ровные складки заправленной за ремень гимнастерки,

я невольно залюбовался им. Это не укрылось от него.

— На праздники надеваю! — гордо промолвил он, словно угадав мои мысли.

— А какой сегодня праздник?

— Особенный! — улыбнулся он. — Дочку жду. Институт закончила — доктор! К нам погостить едет. Телеграмму получили... — И вновь с беспокойством окинул взглядом перрон. — Только вот не видно что-то ее, — развел он руками. — Уж не случилось ли что? — И с теплотой в голосе добавил: — Одна ведь у нас Света...

— Поезд номер двадцать четыре Ленинград—Симферополь отправляется с первого пути! — слышался из репродуктора звонкий женский голос.

— Рад, товарищ Наумов, что повидался с вами! — сказал я, пожимая руку однополчанину. Но в этот момент лицо его озарилось счастливой улыбкой.

— Светка-а-а! — крикнул Наумов. — Светка!.. — И, помахав мне на прощание, быстро пошел к дочери.

Уже стоя на площадке вагона, я смотрел вслед старому солдату. Навстречу ему с небольшим чемоданчиком в руках торопилась миловидная девушка в голубой косынке.

...Поезд набирал скорость. За окнами вагона мелькала густая поросль сосняка. Неожиданно лесок оборвался, и на смену ему заколыхался зеленый разлив хлебов. Далеко, у самого горизонта, поля терялись в серовато-голубой дымке.

Я стоял у окна, продолжая находиться под впечатлением встречи с Наумовым. Она как бы перенесла меня в лето 1944 года...

И вспомнилось все. То лето было на редкость сухим. Ни облачка на небе, ни ветерка. Зной да горячая, пропахшая порохом пыль. Нашей дивизии предстояло

наступить на полоцком направлении в составе 6-й гвардейской армии.

После длительного марша по белорусским лесам полки сосредоточились на исходном рубеже. Впереди — широкая, километра на полтора, луговина, пестревшая островками кустарников. За ней — большой лес, по опушке которого проходил передний край вражеской обороны.

Полоцку противник придавал особое значение. Город расположен на важнейших коммуникациях: здесь сходятся несколько железных, шоссейных и грунтовых дорог. Гитлеровцы опоясали Полоцк оборонительными укреплениями, намереваясь, видно, упорно защищать его.

...Тихое, ясное июньское утро. Леса Витебщины в безмолвии: не шелхнется лист на кудрявой березе, не качнет своей пахучей кроной сосна, не осыпаются с кустарников и цветов сверкающие бусинки утренней росы. Тихо.

Цветов в лесу много. Они словно горят: красные, похожие на тюльпаны, белые на высоком стебле, синие, стелющиеся по траве, и розовато-сиреневые колокольчики. Порхают ярkokрылые бабочки, летают стрекозы, ползают жуки.

Но всей этой красоте не замечал командир полка Максим Хромозин. В то утро я находился на его командном пункте и помню, как через узкую амбразуру блиндажа подполковник, осматривая луговину, досадовал:

— Пекло, а не денек сегодня будет опять. Изнурительный зной, дым да пыль...

Хромозин то внимательно разглядывал в бинокль впереди лежащую местность, то посматривал на разложенную на снаряжном ящике карту. Хотя командиру полка не впервые было начинать бой и он знал, что и

на этот раз все готово — все притайлось и ждало сигнала, — но подполковник все же волновался. Полк наступал в голове дивизии, и от него зависел успех соединения...

На нашей стороне где-то ухнуло. В белорусских лесах заиграли «катюши», ударили сотни стволов разнокалиберных орудий. В небе появились красноезвездные самолеты. В сплошной гул слились пулеметные и автоматные очереди. Дым и гарь повисли над зеленью трав и кустарников, высоко к небу вздымались фонтаны земли:

Бомбы, снаряды, мины и пули пробивали брешь во вражеской обороне — словно огромный таран бил в одно место. Первый Прибалтийский фронт перешел в наступление. И оборона противника не выдержала: дала трещину. В прорыв вошли танки...

47-я стрелковая дивизия успешно наступала. К вечеру полки продвинулись на несколько километров. Но прорыв первой полосы не решил задачи. Оборона была глубоко эшелонирована. На подступах к Полоцку противник создал ряд укрепленных рубежей: селения и высоты превратил в опорные пункты, насытив их огневыми средствами. Здесь у врага было много артиллерии и минометов, танков и пулеметных рот.

Продвижение вперед было трудным. Гитлеровцы цеплялись за каждый рубеж. В районе села Дедуны наш головной полк натолкнулся на сильный опорный пункт врага.

Завязался ожесточенный бой. Врагу удалось остановить и второй, наступающий справа, стрелковый полк Ковнерова. Сначала передовые подразделения ворвались было в немецкие траншеи, но противник быстро подбросил несколько свежих батальонов пехоты, которые при поддержке танков перешли в контратаку. Удар пришелся по батальону капитана Дергачева, наступавшему на левом фланге полка.

Напряженность боя росла. Батальон Дергачева попал в трудное положение. Впереди были вражеские дзоты. Оба стрелковых полка противник прижал огнем к земле. Командир дивизии Павел Васильевич Чернух под вечер ввел в бой батальон 3-го стрелкового полка. Но и это не улучшило обстановку...

Вражеские дзоты и вкопанные в землю танки встречали наступавшую пехоту сильным огнем. Отдельные храбрецы пытались забросать огневые точки гранатами, но падали, сраженные пулеметными очередями. По подразделениям били фашистские минометы и артиллерия, ни на минуту не прекращался огонь пулеметов. Ливень осколков и пуль обрушивался на каждый клочок земли. Порой казалось: ничто живое не в силах противостоять огню и металлу. Но это только казалосьсь...

Старшего лейтенанта Евгения Горшкова ночью вызвали в землянку командира полка. Вскоре его рота, усиленная взводом автоматчиков, поползла вперед. Ей предстояло выполнить трудную задачу: просочиться через боевые порядки гитлеровцев и, зайдя в тыл, неожиданно ударить по врагу. Одновременно с фронта должны были атаковать стрелковые подразделения.

Тишина пришла на передний край. Ночь была темная. Только изредка немецкий пулемет выпустит очередь трассирующих пуль да шальная ракета своим длинным светящимся хвостом выхватит из темноты то окопы, то кусочек «ничейной» земли. Тихо на переднем крае, но тревожно...

В полночь за линией фронта в небо взмыла зеленая ракета. За ней — красная. И сразу стали рваться гранаты, затрещали автоматы. Рота Горшкова действовала.

И тогда с фронта ударили два батальона полка Хромозина. Он сам первым устремился вперед.

Немцы не ожидали удара с двух сторон. В их боевых порядках поднялась беспорядочная стрельба. Не выдержав этого дерзкого натиска, враг поспешно оставил окопы на участке полка и откатился почти на километр.

Сокрушая очаги сопротивления, части дивизии все глубже вгрызались во вражескую оборону. На третий день был освобожден ряд селений; на пятый — дивизия продвинулась еще на несколько километров. Бои велись уже в третьей полосе обороны. Отходя, враг сопротивлялся; цепляясь за выгодные рубежи, пытался остановить наступавших. Но боевой порыв пехотинцев был высок, стремление к победе и ненависть к врагу влекли неудержимо вперед.

«Выйдем к Западной Двине!», «Даешь Полоцк!» — эти слова солдаты писали на бортах автомашин, на бронешитах орудий, с ними поднимались роты в атаку.

...Поезд уходил на юг. А в памяти всплывали новые яркие картины.

47-я стрелковая наступает...

Ширилась территория освобожденной Белоруссии. Позади осталась неширокая, но глубоководная Оболь.

М. И. Хромозин

За эту реку разгорелся упорный бой, в котором особое мужество проявили солдаты стрелковой роты лейтенанта Виктора Веденко. Просочившись по болоту через боевые порядки гитлеровцев, рота отвлекла на себя целый немецкий батальон. Бойцы лейтенанта Веденко неожиданно ударили по врагу с фланга. Гитлеровцы растерялись и в замешательстве открыли беспорядочную стрельбу.

А в это время с фронта бросились в атаку соседние подразделения. Они ворвались в траншеи; враг не устоял на рубеже и отошел на запасные позиции. Его оборона трещала и рушилась. Наступление шло успешно. Вперед продвигались дивизии 6-й гвардейской армии. Огрызаясь, противник отходил к Западной Двине.

30 июня полк Хромозина освободил сильно укрепленные селения Прудок и Лазари. До Полоцка оставались считанные километры. Но, еще на что-то надеясь, враг пытался задержать наступление. Не раз его пехота, поддержанная танками, переходила в контратаки.

Полоцк горел. В бинокль хорошо было видно, как косматые языки пламени лизали здания города. Слышались сильные взрывы: в бессильной злобе враг уничтожал все, что представляло ценность, что могло служить человеку...

И еще вспомнилось... Вечером 2 июля на командный пункт командира корпуса генерала А. И. Ручкина прибыл командующий фронтом И. Х. Баграмян. Он вызвал полковника Черноуса.

— Надо брать Полоцк, — сказал Баграмян. — Немцы жгут город, взрывают лучшие здания, увозят награбленное добро.

— Людей маловато, товарищ командующий. Полки поредели. Десять дней в непрерывных боях, — докладывал командир дивизии.

— Знаю. — Умные выразительные глаза генерала светились теплом. Командующий задумался, на лбу прорезалась глубокая складка. Посмотрев на Черноуса, он спросил:

— А как настроение солдат?

— Настроение бодрое. Полоцком живут все.

— Вот и хорошо. Полоцк надо брать быстрее. Поможем авиацией и танками.

На рассвете 4 июля, когда первые лучи восходящего солнца позолотили горизонт, дивизия вместе с другими частями ворвалась в истерзанный город. Полоцк горел... Кругом груды развалин. Под ногами скрипучее крошево битого стекла, кирпича, штукатурки. На улицах выброшенное из домов имущество. Страшными дырами глазниц-окон смотрят обгорелые, выщербленные осколками снарядов каменные стены. На улицах дым, гарь. Много трупов. Гитлеровцы лежат в переулках и на перекрестках, в подъездах домов и подворотнях, в подвалах. Враг дорого заплатил за старинный русский город.

Таков был в то утро Полоцк. Таким его запомнили мои однополчане... Вечером того же дня в честь победы на берегах Западной Двины Москва салютовала войскам 1-го Прибалтийского фронта. А через сутки дивизия была награждена орденом Ленина.

Полки 47-й стрелковой с боями приближались к Прибалтике...

Все это пронеслось в моей памяти, когда я смотрел из окна вагона на знакомые до боли места бывших боев. Вернувшись домой, я продолжал жить этими воспоминаниями. Они целиком захватили меня. Припоминались новые и новые события и имена, живые и мертвые герои тех битв. И я почувствовал острую необходимость рассказать о них людям.

У меня сохранились записи военных лет, дневник за последние два года войны. Пухлая тетрадь с пожелтевшими от времени страницами. В ней обрывки мыслей, фамилии людей, названия селений, рек Белоруссии, Прибалтики. Я читал эти записи, и фронтовая тетрадь словно оживала: зримо вставали передо мной отважные друзья однополчане. Встреча с Наумовым явилась толчком: она воскресила забытое, напомнила пережитое и выстраданное в лихолетье войны.

Затем начались поиски, переписка с фронтовыми друзьями, изучение архивных документов. Так появилась эта книга о подвигах моих однополчан, скромных тружеников войны. В нашей дивизии было много замечательных героев. Я рассказал лишь о некоторых из них, о тех, чье мужество и стойкость достойны того, чтобы их знал и чтит народ, и особенно наша молодежь.

СЕРЖАНТ ИЛЬЯ РЕПИН

Молча, нахмутив белесые брови, шагал сержант Илья Репин за орудием. Рядом шли солдаты, усталые, с покрасневшими от бессонных ночей глазами. Осень сорок второго года в этих местах началась ненастьем и холодами. Непрерывно лил дождь, и ветер безжалостно раскачивал обхлестаинные березы. Люди месили сапогами скользкую, липкую грязь. Она хватала за ноги, и приходилось затрачивать большое усилие, чтобы вытащить их.

На нешироком участке фронта противник потеснил наши войска. Некоторые части, меняя позиции, отходили в район сосредоточения. По дороге громыхали пушки, фыркали застрявшие в грязи автомашины. Тяжело нагруженные трехтонки и полуторки буксовали, завывали, выбрасывая из-под колес фонтаны черной жижи, обломки досок, камни, ветки. За развороченной гусеницами и колесами дорогой — широкое поле. Летом здесь сплошной стеной стояла пшеница, ожидая своего хозяина. Теперь это был страшный, бурый, выжженный пустырь. Уродливыми черными буграми поднималась вздыбленная взрывами земля, змеились траншеи и окопы, лишь кое-где торчали сиротливые колоски.

Видя все это, сержант Репин по-своему, по-крестьянски ощущал в сердце неведомую до сей поры боль.

В душе с еще большей силой закипала ненависть к врагу за пропавший на поле урожай, за все, что он сделал на нашей земле.

Ночь медленно опускалась на землю. На горизонте зловещие отблески пожарищ словно преследовали отступающие части: горели деревни и села Орловщины.

Артиллерийский полк подошел к деревне Коснаровка. Заволновался, забеспокоился сержант Репин. В темноте никто не видел, как на его обветренных, ввалившихся щеках заходили желваки. Еще бы не волноваться! В Коснаровке Илья родился, вырос. Испокоин веков жили здесь Репины.

Какое-то двойственное чувство охватило сейчас сержанта. Он радовался, что сможет повидаться с родными, односельчанами — давно их не видал, — и в то же время несколько страшился этой встречи. Ему почему-то казалось, что и он виновен и ответствен за страшную беду, навалившуюся на родную землю.

«Далеко немец в глубь России зашел... Неужели так и будет продолжаться? Когда же наконец вышвырнем врага с нашей земли?..» — с горечью думал Илья, прислушиваясь к бушевавшему ветру. А лес шумел, покачивались верхушки берез и осин, горестно провожая отходивших солдат.

Не верилось Репину, что он уходит из родных мест, не хотелось верить, что сюда вслед за ними войдут враги. От досады и горечи комок подкатывал к горлу, душил его. В Коснаровке все было родное — дом, жена, мать, дети. Родная зелень полей и тенистых лесов, березы, что стоят на пригорках...

Едва первая батарея втянулась в безмолвную темную улицу, как прозвучала команда:

— Становись!..

Сержант подбежал к командиру батареи, и тот разрешил повидаться с родными.

Репин свернул в переулок, быстро пошел напрямик, через огороды. Потом побежал. Холодный ветер бил в лицо, но Илья ничего не замечал. Запыхавшись, он поднялся на взгорок.

Вот уже и виден родной дом. Какое-то сомнение заползло в душу: окна закрыты ставнями. «Дома ли?.. Застану ли?.. А может...» — замелькали, закружились тревожные думы.

Ему казалось, что он слышит стук своего сердца; на лбу от волнения выступила испарина. Сержант торопливо вытер лоб платочком и, комкая ее в руке, быстро пошел, беспокойно оглядываясь по сторонам: темно вокруг. Громко чавкала грязь под ногами, разлетаясь брызгами.

Илья перевел дыхание и остановился. Рука еще крепче сжала платочек, ветер теребил непокорные волосы. Как-то сразу потяжелел вещевой мешок и потянул к земле. Репин собрал силы, выпрямился: перед ним была дверь. Дверь родного дома и это невысокое крылечко с перилами, по которому он когда-то ползал малышом, а потом, спустя много лет, уходил на фронт...

Решившись, Репин постучал в дверь. Под его рукой она подалась вперед и отворилась. Сержант вошел в сени, нащупал знакомую ручку, толкнул вторую дверь. Она заскрипела и тоже открылась; бледные отблески света скользнули по соломе, раскиданной по полу.

Илья вошел в избу. Пахнуло знакомым с детства родным запахом парного молока, кислого хлеба и чем-то особенным, присущим только этому дому. В керосиновой лампе еле мерцал огонек. На вошедшего никто

не обратил внимания: мало ли солдат заходит погреться в военную пору в дом на фронтовой дороге. Илья молча поставил винтовку к стене, расстегнул ремень, снял подсумок, положил шинель на лавку. Огляделся. У стола, понуря голову, сидела мать в своем стареньком черном платке. Она старательно скоблила ножом картошку и бросала ее в чугун. Рядом на скамье двое ребят гладили серую кошку. Она, чуть мурлыча, медленно виляла хвостом. На печи с надсадным хрипом кашлял отец.

Сержант шагнул вперед — теперь тусклый огонек лампы осветил его немного. Ребята с любопытством посмотрели на вошедшего.

— Илья! — раздался пронзительный женский крик.

Из угла комнаты быстро поднялась женщина с зачесанными назад волосами и, уронив на пол шитье, бросилась к нему.

— Родной! — она прижалась к груди мужа, плечи ее дрожали.

Илья приподнял голову жены и припал щекой к ее лицу. По нему катились крупные горячие слезы.

— Папка! Пап... — закричали ребята, подбежав к отцу, и обхватили его за ноги.

— Илюшенька! Сыночек! — смахнув уголком платка со щеки слезу, подошла мать. — Жив, жив! — глядя по плечу сына и слегка всхлипывая, приговаривала она. — Ведь сколько недель ни слуху о тебе...

Репин поднял ребят на руки, поцеловал их и вместе с ними грузно опустился на лавку. Теперь глаза привыкли к полутьме: он взглянул на печь, где сидел отец. Тот из-под густых седых бровей сурово посмотрел на него, на сверкавшую на груди медаль и отвернулся. Илья тяжело вздохнул и понял: в обиде отец.

— Почему вы не ушли? — не поднимая головы,

спросил Илья... — Колхоз-то, наверное, эвакуировался?

— Петя! Принеси-ка дровец! — вместо ответа сказала мать, обращаясь к внуку. — Пышек испеку твоих любимых, Илюшенька!

— Не надо, мама! — запротестовал сержант. — Некогда... Уходим дальше!..

Илья едва сдерживал слезы. В ту минуту он казался самому себе смешным и слабым человеком. Крепко сжал зубы, сдержал нахлынувшее волнение.

— Фашисты близко... — с трудом выдавил Илья. — Уходить надо...

— Сразу и уходить?.. — горестно спросила мать, прикладывая платок к глазам.

— Служба у него! — веско бросил отец. — Солдат он, знает, что делать надо...

Илья заторопился. Он вдруг почувствовал себя неловко в своем родном доме... Подошел к жене, крепко прижал ее к груди, уткнулся лицом в темные пушистые волосы, вдыхая близкий, знакомый запах. «Неужели это в последний раз?» — резануло в сознании. Потом обнял ребят, ласково потрепал их вихрастые головки и вдруг твердо заявил:

— Ну вот что... Собирайтесь все и уходите... На восток... Вместе с нашими...

Жена сквозь слезы сказала:

— Куда же мы без тебя-то?.. Здесь дом, да и отец болен...

— Собирайся! — отрезал он. — Среди своих людей не пропадете. А немцу вас не оставлю... Не пощадит он.

— Выходит, опять маневр на отступление! — сердито бросил старик с печи. — И в сорок первом до Моск-

вы отходили и опять к Дону или Волге... А за какую же доблесть тебе медаль-то повесили, сынок?..

Сержант молчал.

Старик горько усмехнулся:

— Часто выхожу я на дорогу, гляжу: и пушки у вас, и танки. А ударить как следует по врагу не можете... Неужто фашист сильнее? Не верю я в это, сынок! В германскую наш полк-то как встал на Карпатах, так и не пустил немца дальше. Выстояли мы. А вы... — угрюмо покачал головой. — Нет, не верю, что басурман сильнее, не верю! — Глаза его загорелись гневным огнем.

— И мы выстоим, отец, выстоим!.. — тихо, но твердо сказал Илья.

* * *

На рассвете на восточной окраине Коснаровки разгорелся бой. Не успел тяжелый арtpолк «оторваться» от противника. Приходилось драться в невыгодных условиях. Огневые позиции были плохо оборудованы: не полностью открыты укрытия, не было запасных позиций.

С косогора по широкой луговине, покрытой высокой жухлой травой, двигались вражеские танки. Они ползли медленно, словно огромные черепахи. За танками бежали автоматчики.

— Четырнадцать, двадцать пять... тридцать шесть... — считал Илья Репин.

Танки прошли позиции пехоты и теперь приближались к артиллерийским. Справа грохнули выстрелы — 1-й дивизион открыл огонь. Батарея, в которой служил Репин, оседлала дорогу; справа — заболоченная низина, а слева — глубокий, уступобразный противотанковый ров. Он тянулся километра на три и упирался

в небольшое топкое озеро. Здесь огневые позиции были удобны и выгодны; они прикрывались редкими невысокими кустами, растущими по косогору.

Орудие Репина дальше других выдвинулось в сторону врага. Илья приподнялся: танки приближались. Сержант понимал, что пора открывать прицельный огонь по этим темно-зеленым стальным коробкам. Но соседние орудия молчали, выжидал и Репин. Бить только наверняка!

Наконец 2-й дивизион открыл огонь. Вот мчащаяся на большой скорости головная машина вдруг резко свернула в сторону; высокий столб огня и черного дыма закрыл ее. Загорелся и второй танк. Но, видимо, немцы обнаружили расчет соседней батареи. Танк с белым крестом на броне пошел прямо на орудие. Немного повернувшись, он, как говорят артиллеристы, подставил борт. Разве можно упустить такой случай.

— Огонь! — крикнул, волнуясь, Репин.

Грянул выстрел, танк рванулся в сторону, осел и задымил.

— Горит, горит! — закричал сержант.

Но из кустов показалась другая машина. Покачивался ствол орудия, а чуть ниже башни сверкали частые вспышки пламени: стрелял пулемет.

— Огонь! Огонь!..

Загремели выстрелы, содрогнулась земля. Но что это? Глаза сержанта широко раскрылись.

Грязно-бурое облако дыма вдруг обволокло вражеский танк; он сделал несколько беспомощных движений и замер на месте. Но тут же к орудию стало медленно подползать третье чудовище. Илья Репин прикинул к панораме: на сетке — яркие очертания танка. Выстрел. Еще один танк загорелся и остановился. Из него выскочили два фашиста. Автоматная очередь скосила их.

«Ловко! Кто это их?» — мелькнуло в голове сержанта. Он повернулся: ефрейтор Иванов опустил свой автомат.

На поле боя уже горело пять вражеских танков. Остальные, разбившись на две группы, повернули: одни — влево, к озеру, видимо стремясь обойти наши позиции с фланга, а другие — семь-восемь машин — скрылись за сараями, на окраине деревни...

И тут Репин вспомнил, что эти сараи построили за год до войны, в строительстве их принимали участие комсомольцы. Они посадили и деревца, кустившиеся возле сараев. Здесь нередко собирались хороводы. «И вот там сейчас враг», — с гневом и ненавистью подумал Репин. Он еще раз взглянул на сараи и крикнул:

— По крайнему сараю, зажигательными! Прицел 42—50!.. Два снаряда!

Ухнуло тяжелое орудие. Запылала соломенная крыша. Наводчик Федин пристально посмотрел на Илью. «И не жалко? Рассказывал: сам строил этот сарай, а теперь же сам уничтожил его», — подумал он. А Репин впился взглядом в зарево, смотрел долго, настороженно.

— Ну вот теперь все на виду будет!.. — глухо сказал он.

Из-за сарая показались танки. По ним снова ударили орудия. Однако выстрелы были неудачными: танки продолжали двигаться. Репин понял: волновался он очень. «Спокойно, Илья, спокойно», — мысленно внушал он себе. Но вот командир орудия поймал танк на прицел и снова выстрелил. Вспыхнула еще одна боевая машина гитлеровцев...

Сержант оглянулся. И не поверил своим глазам: с тыла на батарею шло шесть танков. «Обошли озеро, — мелькнуло в голове. — Скорее... Скорее...»

— Снаряды! — крикнул Илья. — А ты смотри за тылом! — приказал он ефрейтору Иванову.

Когда передний танк прошел по полю сорок—пятьдесят метров, загрели выстрелы. Танк задымил... Ударили и другие орудия батареи: были подожжены еще две машины. Снаряды кромсали броню. Цепко держались за позиции советские солдаты. Танковая атака фашистов захлебнулась.

...Вскоре на окраину Коснаровки подошло подкрепление: пехота и бронейщики. Роты стали окапываться.

Командир батареи, увидев Репина, сказал:

— Молодец Илья! Поздравляю с успехом, — и подал сержанту руку. — Вон сколько горит танков, из них половина твои... Командир полка приказал представить тебя к правительственной награде.

— Служу Советскому Союзу! — ответил сержант, приложив руку к пилотке.

Лейтенант вынул из кармана портсигар, взял папиросу.

— Закуривайте, друзья! — предложил он артиллеристам.

Портсигар сразу опустел.

— Ну что ж, сержант Репин, ты ведь здешний. Отстояли твою деревню...

Сержант засиял.

— И верно, товарищ лейтенант, зайдемте к нашим. Проведаем их!.. «И как это я раньше не догадался об этом?» — мысленно пожурил он себя.

— Пошли, — сказал командир батареи. — Можешь с собой взять еще двух человек. Кого хочешь, конечно. Остальные останутся на позициях...

Артиллеристы шли по дороге вдоль околицы деревни, где столько раз раньше проходил Илья. Снова

всплыли воспоминания: вот мимо этого забора он бегал в школу. А здесь однажды поздно вечером, после кино, впервые поцеловал девушку...

Ефрейтор Иванов вывел его из раздумья:

— От многого отвыкли на войне: от скатертей, тарелок, подушек. Дымом и потом пропахли, брат, мы навзвозь.

— Разве в этом дело! — перебил лейтенант. — Главное — поскорее разгромить врага. А к подушкам и тарелкам, будем живы, привыкнем снова быстро. После войны ценить больше будем мирную жизнь, даже эти мелочи...

— Это точно, — откликнулся Репин. — Тарелки подждут нас. Обидно и больно, что враг топчет землю нашу, уничтожает дома, истребляет людей. Когда мы подбили второй танк, я подумал: «Иначе мне нельзя, ведь родился я здесь. Погибну у своего дома, или обломаю врагу зубы»...

— Ничего не скажешь, ваш расчет хорошо обломал зубы фашистам, — сказал офицер. — Сержанту Репину не совестно заходить в родительский дом...

Старики обрадовались гостям. Засуетились. А попотчевать дорогих гостей было особенно нечем.

— Не беспокойтесь, мамаша. У нас кое-что есть, — ласково проговорил лейтенант. — Вот стопки если найдутся, хорошо...

На столе появились мясные и рыбные консервы, хлеб, солдатская фляга.

— А вы что же, хозяин? Выпейте с нами чарку, — пригласил офицер отца Ильи.

Старик, кряхтя, слез с печи и, опираясь на суковатую палку, подошел к столу.

— Верил, что отгоните фашиста. Так и вышло. Спасибо!.. Теперь, пожалуй, не грех и выпить за вас, служивые, — улыбнулся он и поглядел на сына. — Да-

вай, Илья, чокнемся. А вчера я был в обиде на тебя, понимаешь...

— Забудем старое, — перебил командир батареи. — То было вчера, а сегодня ваш сын — герой. Четыре немецких танка подбило его орудие. К ордену представлен...

Отец с гордостью посмотрел на Илью. Потом подошел к нему, порывисто обнял и прижал к груди. В глазах матери блеснули слезы радости...

Через несколько дней на груди сержанта Ильи Репина засверкал орден Красной Звезды.

...Прошло два года. Немало фронтовых дорог прошагал Илья Репин, много снарядов по врагу выпустил.

Позади осталось много речек, высот и селений. Наши части приближались к границам Восточной Пруссии. Настроение у солдат было бодрое, радостное: впереди — фашистская Германия. Однажды ночью в заснеженном прибалтийском лесу Репина пригласили в блиндаж на партийное собрание. Его принимали в партию. Он был уже старшим сержантом, и грудь его украшали три ордена: орден Красной Звезды и два ордена Славы.

Илья поднялся с обрубка сосны, на котором сидел, и, не зная, что сказать о себе, молча мял шапку в руках.

Товарищи терпеливо ждали, что скажет артиллерист. А он, волнуясь, молчал. Мысли путались в голове. Что сказать? О чем говорить?..

— Воюю, стараюсь... Не посрамлю звание коммуниста...

Товарищи высказывались тоже коротко: «Достоин, принять».

С собрания Репин ушел прямо на передовую, где в зарослях на берегу реки Вента стояло его орудие.

Начинались морозы, но река никак не замерзала, только у берега появилась ледяная кромка. Река глубокая, преодолеть ее вброд было невозможно, а пере-

правочные средства еще не подошли. Приказ же требовал: подавить огневые точки противника на противоположном берегу, форсировать реку и закрепиться там.

Рано утром заговорили орудия и минометы. Вражеский берег потонул в черном дыме разрывов... Но вот артподготовка завершена. Стрелковые подразделения приготовились к переправе. В этот момент фашистская батарея, замаскированная в кустарнике, открыла с того берега сильный огонь, нанося большой урон нашей пехоте. Тогда орудийный расчет Репина завязал дуэль с вражеской батареей. Это был опасный поединок: одна советская пушка против нескольких вражеских... Нужны были крепкие нервы, чтобы выстоять. И не только выстоять, но и победить. Возле орудия Репина рвались снаряды и мины, вздыбливалась земля, но репинские артиллеристы продолжали посылать снаряд за снарядом по врагу. Стрелять только наверняка!

Наконец снаряды накрыли вражеское орудие, а вскоре смолкло и второе. Но третье продолжало вести огонь. Дуэль продолжалась... На той и другой стороне ухали разрывы, вскидывая вверх высокие султаны земли и дыма. И вскоре фашистская пушка замолчала. Поединок стойкости и мужества был выигран Ильей Репиным и его расчетом. Головная стрелковая рота, прикрытая артиллерийским огнем, форсировала реку и захватила плацдарм на вражеском берегу. Вслед за ротой через реку стали переправляться стрелковые батальоны.

Этот бой принес Илье Харитоновичу Репину новое признание воинской доблести: ему присвоили звание старшины, и он стал полным кавалером солдатского ордена Славы...

НОЧЬЮ ПО ТЫЛАМ ВРАГА

В холодный дождливый октябрь сорок третьего года части 47-й дивизии, прорвав в районе селения Будница оборону противника, перерезали важную магистраль — шоссе Витебск — Полоцк и овладели сильно укрепленным врагом городом Невель. За октябрьские бои дивизии было присвоено наименование «Невельская».

Впереди лежал районный центр Витебщины — Городок. Противник превратил его в опорный пункт и, оказав сильное сопротивление, остановил полки. К тому же погода благоприятствовала врагу. Белорусская осень славится затяжными дождями, холодным, пронизывающим ветром и бездорожьем.

Наши части расположились в лесах. Неожиданно ударили первые морозы. Вгрызаясь в промерзшую землю, солдаты наскоро делали землянки и шалаши. Три недели дивизия стояла на месте. Попытки продвинуться вперед не имели успеха: гитлеровцы прочно удерживали заранее подготовленную и глубоко эшелонированную оборону.

И все же Городок нужно было брать. Командование дивизии приняло решение сначала как следует «прощупать» противника: выявить его намерения, силы и средства. Эта задача выпала на долю командира взвода

пешей разведки стрелкового полка, прославленного следопыта дивизии — Романа Мамайчука. Капитан Мамайчук был человек несгибаемой воли и удивительного упорства в достижении цели. Для него не было невыполнимого, когда речь шла о деле. «Раз надо, сделаю» — было его девизом.

Мамайчук располагал к себе. Живые, с голубым отливом глаза, приятная, почти не сходящая с лица улыбка. При разговоре капитан часто поправлял левой рукой свисавший из-под пилотки чуб непокорных темных волос.

В холодную зимнюю ночь повел капитан небольшой отряд автоматчиков через линию фронта. Разведчики шли по лесу больше часа. Только перешли передний край, началась метель. И сразу так закрутило, что стало не видно ни зги. Ветер швырял в лицо колючий холодный снег, забирался под маскхалат и шинель, леденил тело.

Трудно было идти, но капитан Мамайчук не унывал. Опытный воин знал, что в такую непогоду немцы больше по землянкам да блиндажам отсиживаются, — значит, нашим разведчикам сподручнее действовать. Шли быстро... Вот впереди замигали бледные, редкие огоньки.

Мамайчук стал спиной к селению и, присев у березы, зажег на секунду электрический фонарик, прикрыв его ладонью. Сориентировался: деревня Филипенки.

— За мной — и чтобы ни звука! — приказал капитан, забирая вправо.

Отряд обошел селение. Метель продолжала свирепствовать; ветер с силой раскачивал высокие сосны, вихрил снег, пытался свалить с ног разведчиков. Но они упорно шли дальше. Мамайчуку хотелось поскорее узнать, что делается у врага в глубине обороны.

Часа через полтора вышли из леса. Впереди темнели расплывчатые силуэты каких-то построек. Наверное, сарай, а за ними, видимо, и вторая деревня. «Значит, прошли более девяти километров, — подумал капитан. — А если там немецкий гарнизон?..» В голове сразу созрело решение: «Уничтожить! Двадцать пять воинов, и все ребята как на подбор. Гранаты, автоматы, ножи...»

— Ложись! — раздалась команда.

Разведчики залегли в кустарнике на окраине деревни. А мороз все усиливался, он сковывал руки и ноги. Долго находиться на одном месте было нельзя. Мамайчук выделил из отряда три группы: в одной пять, а в двух других — по три человека, под командой опытных следопытов — старшины Максимова, сержантов Яровского и Никульшина. Поставил им задачу:

— Разведать деревню... Если судить по карте, в центре должна быть каменная церковь и школа. Не засели ли в них гитлеровцы?.. Внимательно осмотреть подвалы и чердаки. Туда пойдет Максимов... Яровский и Никульшин — на окраины селения. Прежде всего — порвать провода связи. Осторожно зайти в какой-нибудь неказистый домишко. Узнать у хозяев: сколько в деревне немцев, где расквартированы... Первым на левую окраину выходит Максимов, с ним четверо, через пятнадцать минут — остальные группы. На всю вылазку примерно один час. Если гитлеровцев много, в бой не ввязываться. Если понадобится помощь, сигнал — красная ракета.

Он посмотрел на часы:

— Проверьте ракетницы. Сейчас двадцать один пятнадцать... — Он еще раз посмотрел на часы. — Все закончить не позже двадцати двух тридцати... Сбор здесь, возле этих сараев. Поторопливайтесь — впереди далекий путь: идти по тылам врага придется всю ночь...

Первыми ушли разведчики со старшиной Максимовым. Через пятнадцать минут темнота завьюженной ночи поглотила две другие группы. Оставшиеся укрылись в сарае, стали ждать. Время тянулось томительно медленно. Тишина в деревне, словно она вымерла; только ветер воет, да где-то вдали нет-нет да ухнет немецкая пушка или заскрипит под ветром дерево...

С тревожной настороженностью ждал Мамайчук возвращения товарищей. Прошло около часа, но они не подавали никаких признаков жизни. Вдруг в центре селения ухнул взрыв, за ним — второй... «Рвутся гранаты, — определил капитан. — Что делать?..» И как бы в ответ на его мысли где-то среди домов дробно затрещал автомат, один, другой... Через минуту в небо взмыла красная ракета — нужна помощь!

Вырвав из мрака ночи полосу местности, ракета помогла сориентироваться разведчикам: на несколько секунд стало видно, где центр селения, а значит, и где надо искать Максимова. У Мамайчука от напряжения даже глаза заболели.

— За мной! — прозвучала его команда. — Вперед, быстрее, быстрее!

Мамайчук быстро зашагал к деревне. Вот уже, махнув рукой остальным, капитан побежал. Позади бежали четырнадцать разведчиков. Под маскхалатами топорщились подвешенные к поясным ремням гранаты, снаряженные диски... Руки крепко сжимали автоматы.

Едва Мамайчук с автоматчиками подбежал к школе, как на восточной окраине деревни вдруг затарахтели автоматные очереди.

— Сержант Дягилев! Берите три человека — и быстро туда!.. — выкрикнул капитан, указав рукой в сторону, где раздалась стрельба.

— Приготовить гранаты!

Мамайчук бросился к школе; от него не отставали товарищи.

Вот и длинное каменное здание школы; в замерзших окнах кое-где тускло светятся огоньки. Вдоль забора разведчики подобрались к входу. Одни, держа наготове автоматы, ворвались во двор, другие швырнули в окна гранаты.

...Ночная схватка окончилась разгромом фашистского гарнизона. Ни один из гитлеровцев не ушел живым. Некоторые, выскочив из школы, пы-

тались бежать в соседнюю деревню, но на окраине напали на группу Яровского и тоже были уничтожены. Разведчикам повезло: только одного чуть задела шальная пуля, да два автомата было разбито...

Как потом выяснилось, 27 эсэсовских солдат, в главе с лейтенантом войск СС, возвращаясь на двух автомашинах с карательной экспедиции, заблудились на лесных дорогах и заехали в Грабницу переждать до утра метель и передохнуть. Это был их последний отдых.

Все это старшина Максимов разузнал в крайней избе деревни от старика Карпа Омельченко: тот подсказал, как удобнее подойти к школе. Старик дал так-

Роман Мамайчук

же несколько листовок, напечатанных на русском языке.

— С самолета немцы бросали. Про капитана Мамайчука пишут, — говорил старик. — Передайте ему привет и поклон низкий. Слыхали мы о его храбрых вылазках. Дай бог, как говорится, ему здоровья и успехов...

— Читайте! Очень любопытно... — сказал старшина Максимов, подавая капитану небольшой листок бумаги.

Карманным фонарем Мамайчук осветил листовку. В ней, в частности, указывалось, что за голову «капитана советской разведки Романа Мамайчука немецкое командование обещает вознаграждение 10 тысяч марок». Далее говорилось, что этот человек опасен, он «срывает мероприятия немецких властей по наведению нового порядка в освобожденных от большевиков районах...».

Заправляя под шапку свой каштановый чуб, капитан, улыбаясь, пошутил:

— Неплохо они ценят мою голову, неплохо...

Он еще раз пробежал взглядом по бумажке.

— Ну что же, оставим это на память, — сказал Роман, пряча в карман листовку.

А время шло... Пора было уходить из деревни. Разведчики захватили с собой несколько немецких автоматов, патроны, гранаты. Местные жители разобрали оставшееся оружие, боеприпасы — пригодятся для партизан! Едва отряд Мамайчука покинул деревню, как колхозники подожгли немецкие автомашины...

Разведчики снова шли сквозь ночь, снег и ветер. Часа через два они вышли к шоссе. Пересекли его и углубились в лес. Остановились передохнуть в кустарнике неподалеку от дороги.

Неожиданно из-за поворота показалась колонна не-

мецких солдат. Прячься за суковатой сосной, Мамайчук внимательно смотрел на приближающихся гитлеровцев. «Человек сорок, — прикинул в уме капитан, — почти вдвое больше, чем нас...» Что делать?.. Пропустить — непростительно. Стрелять — опасно: а _ может быть, за ними еще идут?.. Но капитана так и подмывало: не упустить такой случай, напасть...

А пурга не унималась. Ветер залеплял глаза снегом. Немцы шли, сгорбившись и съезжившись. Вот и хвост колонны. Мамайчук приподнялся.

— У кого немецкие автоматы и плащи — за мной!

Опытные, бывшие не раз в деле разведчики разгадали замысел командира. Один за другим выходили на дорогу и быстро пристраивались в конец вражеской колонны. Капитан опасался: вдруг гитлеровцы заметят уловку советских воинов. Но все шло хорошо, очевидно, гитлеровцы очень устали и замерзли и поэтому были невнимательны. И к тому же, наверное, рассуждали они, какой враг может оказаться ночью в глубине своей обороны, в такую крутоверть?..

Так и шли вместе, гитлеровцы и наши... Мамайчуку не терпелось скорее ударить по врагу. Медлить было нельзя. В любую минуту на шоссе могли показаться танки или автомашины.

— Приготовить гранаты!.. — шепотом передал команду отважный офицер.

А через минуту пургу разорвал зычный голос:

— Бей га-а-дов!..

Швырнув в гушу врагов гранаты, разведчики бросились в канаву на обочине шоссе. Гитлеровцы опешили: не поняли, что произошло. Но их уже поливали свинцовым огнем автоматные очереди.

Никто из фашистских солдат не успел применить оружия. Весь отряд был уничтожен.

...Пять суток капитан Мамайчук действовал в тылу

врага: засекал артиллерийские и минометные позиции, разведывал скопления танков. Выполнив задачу, он принес в штаб дивизии ценные сведения и привел солидного «языка». Двое суток водили с собой разведчики гитлеровского майора.

«Язык» оказался весьма знающим. Пленный был офицером штаба дивизии.

За этот смелый поход по тылам врага Мамайчук был награжден орденом Ленина; ордена и медали получили тогда все разведчики...

Семь ранений имел Мамайчук, но смерть щадила его, обходила стороной. И все же беда подкараулила героя.

В январе 1944 года он с небольшой группой разведчиков находился как-то ночью на «ничейной» полосе. На рассвете немцы сделали попытку перейти в наступление, и Мамайчук вынужден был первым принять на себя удар и вступить в бой.

Схватка была неравной, жестокой. Разведчики упорно держались, но... наступал целый немецкий пехотный батальон. Когда наш стрелковый полк отбил вражескую атаку и сам перешел в наступление, разведчики были уже мертвы. Вокруг них лежали многочисленные трупы фашистов, заплативших дорогой ценой за гибель Мамайчука и его товарищей.

Но не умер в памяти однополчан Роман Мамайчук. Когда в дивизию приходило пополнение, агитаторы рассказывали о доблестном разведчике. Его имя с гордостью произносилось на митингах перед боем. Солдаты упоминали о нем в письмах на родину. Роман Мамайчук как бы незримо шагал рядом с живыми, помогая своим боевым товарищам бить врага.

„...А ДО СМЕРТИ ЧЕТЫРЕ ШАГА“

На фронте мне часто приходилось выдавать воинам партийные билеты. Это доставляло мне всегда большую радость. Когда же в политотдел доставляли партийные документы погибших, я с болью и грустью брал их в руки. Внимательно перелистывал страницы небольших красных книжечек. Думалось: кто они, эти люди, отдавшие жизнь за Родину? Одни прожили полвека, другим не исполнилось и двадцати. Одни мне знакомы: встречался, разговаривал с ними, других не видел ни разу и уже никогда больше не увижу.

Помню один из таких партийных билетов. На меня с фотографии смотрел молодой человек. Большие задумчивые глаза.

«Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков), — читал я на обороте красной книжки. — Номер 1480055. Тевосян... Амбарцум... Время вступления в партию 1931 год...» На месте месяца вырван клочок бумаги, по краям пятна крови...

Я знал ротного агитатора Тевосяна, не раз встречался с ним. Амбарцум всегда с восторгом рассказывал о солпечной Армении, где он родился и учительствовал

до войны, о своих планах после нашей победы над врагом.

Мы познакомились с Тевосяном на переднем крае. Как-то под вечер я пришел из политотдела в полк, который на рассвете должен был наступать на сильно укрепленный рубеж вражеской обороны. С этим полком мне предстояло быть в бою.

День был теплый, солнечный. Чувствовалось приближение весны. Хотя на деревьях почки еще не набухли, но снег уже стал рыхлый, ноздреватый. В лесу было тихо, хорошо...

Еще издали я услышал пение. Негромкое, задушевное... Подошел поближе: на лесной поляне расположилась рота. Кто курил, кто неторопливо протирал автомат, а кто, наломав под бок веток сосны, отдыхал.

Видимо, солдаты пели давно и вошли, что называется, во вкус. Кто-то выкрикнул: «Давай «Землянку»!»

Молодой ясноглазый сержант, что сидел на разбитом снарядном ящике, проникновенно затянул:

Бьется в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза...

И десятки бойцов вполголоса подтянули любимую фронттовую песню:

И поет мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза...

Я остановился неподалеку за соснами и слушал. Говорят, что петь накануне боя — хорошая примета...

Пели все, кто как мог, и в этой песне было что-то очень задушевное, волнующее. Будто каждый, не стесняясь, изливал все, что у него на сердце. После слов:

«А до смерти четыре шага...» — песня оборвалась. Пехотинцы замолчали, думая каждый о своем, может быть, и о том, что кому-то из них на рассвете придется и перейти эти роковые «четыре шага». Пауза затянулась. Но вот на середину вышел крепко сбитый, среднего роста, энергичный человек с погонами старшины на плечах. Он прошелся мимо сидевших полукругом солдат и громким, слегка резковатым голосом с характерным кавказским акцентом спросил:

— Что, ребята, попели и приумолкли? Уж не приуныли ли? Конечно, не сегодня и не завтра кончится война, но скоро. Сейчас в этом уверен каждый.

— Скоро... А когда? — поинтересовался один из солдат.

— На это трудно дать точный ответ.

— Да, плохо, когда не знаешь... В сорок первом война началась, на носу уже весна сорок четвертого. Почти три года, а сколько еще быть ей, войне? Если бы, к примеру, знать, глядишь, и полегчало бы, наверно.

— Ничего, скоро добьем фашиста. Конец войне виден. Ведь не сомневаешься же ты в победе? — спросил старшина.

— Что фашиста доконаем, не сомневаюсь. А только вот когда — не известно...

— Почему не известно? Мы уже можем сказать, что наша победа — не за горами. Но война ведь штука сложная, тут не всегда и не все идет по плану, и высчитывать, сколько недель или месяцев остается до ее окончания, вряд ли разумно. Главное — верить в свои силы, в свою скорую победу...

До этого мне не приходилось видеть Тевосяна, хотя не раз слышал о нем, знал, что до войны был учителем. Теперь сразу узнал его. Тевосян мне положительно понравился: он держался уверенно и просто.

А вопросы так и сыпались:

— Почему Америка не открывает второго фронта? Ударили бы с двух сторон и — крышка Гитлеру.

— И англичане никак не раскачаются. Почему?

— А как дела на других фронтах?

Видно, эти вопросы несколько смутили агитатора, он затруднялся сразу ответить на них, ответить так, чтобы это удовлетворило бойцов. Я вышел из сосняка и, сделав несколько шагов, очутился на поляне. Присев на пенек, включился в беседу: рассказал, что было известно о втором фронте, о положении дел у соседей, о задачах дивизии.

В другой раз мне пришлось присутствовать среди тех же людей на партийном собрании, тоже перед боем. Погода резко изменилась. Ранняя белорусская весна вдруг закапризничала: теплые дни уступили место холодным. Лужи затянулись льдом, который под ногами хрустел и ломался, словно битое стекло. В наскоро сложенных из сосновых веток шалашах и старых землянках солдаты грелись у дымных костров.

Собрание проходило на небольшой полянке, окруженной со всех сторон зеленой стеной деревьев. Первым слово взял Тевосян.

— Товарищи! — говорил он. — В последних боях погибло шестнадцать коммунистов. Нас стало меньше, но мы не стали слабее. Мы уверенно идем к победе... Прошу почтить вставанием память погибших...

Тевосян обнажил голову. За ним сняли ушанки все присутствующие и застыли в скорбном молчании.

— Нас теперь меньше, — продолжал старшина. — Поэтому каждый обязан драться за двоих... Мы должны сделать то, чего не успели шестнадцать погибших товарищей... Будем драться за себя и за них!..

Не шелохнувшись стояли на лесной поляне коммунисты. Было тихо, на обнаженные головы падали пушистые белые хлопья последнего снега. Замерли высокие, подернутые инеем сосны. Низко опустили тонкие ветви березы.

За Тевосяном выступили еще два коммуниста. Времени не было, поэтому речи были короткие.

— Хочу немного сказать и я, — слышался голос полковника Ковнерова.

Высокий, широкоплечий, Егор Ефимович сделал шаг вперед:

— На войне всякое бывает... Трудности, непредвиденные обстоятельства, потери, боль и горечь утрат. Они неизбежны. Нужно быть готовым к ним. Уметь стойко преодолевать... Коммунист должен помнить, что он у всех на виду. Он обязан служить примером: не допускать ни малейшей растерянности, уметь найти себя в любой обстановке. На нас смотрят солдаты. Идут за нами! Это великое доверие, и его надо оправдывать делами...

Затем Ковнеров рассказал вкратце о боевой задаче, посоветовал, как лучше ее выполнить.

— Поговорить надо с солдатами, побеседовать по душам с каждым. Разъяснить, что на нашем участке противник выдохся, он только пытается создать видимость, что сил у него много. На самом же деле это не так... Вы заметили: ночью фашисты почти не прекращают огонь. Почему не спят? Их пугает темнота, они боятся тишины. Боятся, что будем наступать, чувствуют это, — закончил полковник.

На собрании разбирали заявления о приеме в партию. Первым зачитали заявление Василия Зонина.

— Снайпер Василий Зонин просит принять его кандидатом в члены партии. До фронта — донецкий шахтер,

экскаваторщик. Рождения 1924 года, русский. Имеет три правительственные награды!

— А сколько убил немцев?.. — спросил кто-то.

— Разрешите мне сказать, — поднял руку Тевосян. Его смуглое лицо светилось улыбкой. — Не один месяц я знаю Зонина. Этот храбрый воин — наша гордость. На его счету более десятка убитых фашистов. Как-то на задании были мы с ним. Фашистская пуля засела у него в ногу. Идти ему было трудно; по снегу тянулся кровавый след. Но ни стоны, ни жалобы — волевой человек. Зонин — настоящий солдат, такими сильна наша армия. Такие нужны партии! Предлагаю принять Зонина кандидатом в члены ВКП (б), — закончил Тевосян.

Помню, слушая его тогда, я подумал про себя, что слова Амбарцума «Такими сильна наша армия. Такие нужны партии!» в полной мере относятся и к нему самому.

...И вот в моих руках пробитый пулей партийный билет Тевосяна. С волнением смотрел я на красную книжечку. Не верилось, что уже не было в живых этого полного кипучей энергии человека, о смелости и бесстрашии которого в части ходили легенды. Рассказывали, например, что однажды ночью Тевосян вместе с другим солдатом перешел передний край. В овраге неподалеку они увидели несколько землянок; из невысоких труб поднимались дымки. Было тихо. Долго отсиживались разведчики в снегу, незаметные в своих белых маскхалатах. Наконец, когда часовой, что был ближе всех к ним, отошел в сторону, Тевосян прошмыгнул в дверь землянки. Гитлеровский же солдат остался «на посту».

Как оказалось, здесь располагался штаб немецкого полка. В землянке жил фашистский штабной офицер. Он крепко спал, издавая громкий храп. Старшина осто-

рожно взял у спящего гитлеровца планшет и раскрыл его. В планшете лежала оперативная карта. На ней были обозначены батареи, пулеметы, показаны позиции вражеских батальонов.

Документ был очень важный. Его требовалось быстрее доставить к своим. Амбарцум, подумав, решил, что немец, наверное, не захочет оскандалиться и умолчит о потере карты. Тогда все останется без изменения и завтра.

Так и случилось. Разведчики благополучно возвратились в свою часть, а принесенная карта была удачно использована. На рассвете полк поднялся в атаку. Не менее трехсот солдат потерял враг, застигнутый врасплох. Помогли смелость и находчивость Тевосяна.

Или другой случай.

В ходе одного боя противник подбросил подкрепление. Сил у наших не хватало, а рубеж надо было взять во что бы то ни стало. Это была выгодная высота: с нее хорошо просматривалась местность...

Тевосян запасся гранатами: на ремень прицепил, в карманы шинели, даже за пазуху положил. Ночью пробрался в расположение врага. Забросал гитлеровцев гранатами, такого наделал шума, что фашисты оставили окопы. Пленные потом рассказывали: они думали, что их окружили.

Да, Тевосяну действительно везло; он участвовал во многих боях и только в одной схватке был ранен. Впрочем, трудно сказать, «везло» ли, скорее, его пример подтверждал известный закон войны: «трус умирает много раз, храбрый — однажды».

Это было ранней весной, когда на березах распускались первые клейкие листочки, поля сбросили снежный покров и лежали черные, рыхлые, поблескивая лужами талой воды.

Наступая, полк натолкнулся на сильный рубеж обороны. На подступах к небольшой высоте под губительным пулеметным огнем стрелковая рота залегла. Положение создалось тяжелое: кругом открытое поле да грязь — не спрячешься. И вот тогда, воспользовавшись тем, что наш артиллерийский полк перенес огонь в глубину вражеской обороны, Тевосян крикнул во весь голос:

— Товарищи! За Родину! За Белоруссию и Армению... Впе-е-е-ре-е-д!..

Он еще что-то прокричал на своем родном армянском языке и бросился на врага, сжимая в руках автомат. Несколько метров Амбарцум пробежал один по открытому полю, но вот вслед за ним поднялись и другие солдаты роты. Геройский поступок старшины заразил, оторвал от земли бойцов.

Не успели фашисты опомниться, как атакующие уже выросли перед их окопами.

— Ур-р-р-а-а-а-а! — гремело над полем.

В атаку ринулся весь батальон. Живая лавина немумолимо катилась вперед.

Когда выбили гитлеровцев из траншей и закрепились в их блиндажах, выяснилось, что Амбарцума нет среди бойцов. Его нашли возле неглубокой пахнувшей пороховой гарью воронки. В руках крепко зажат автомат. Рядом лежала окровавленная пилотка. На груди тоже алела кровь... Погиб старшина Амбарцум Тевосян, человек богатой души и большого мужества.

ВЫСОТА НЕ БЫЛА БЕЗЫМЕННОЙ

Много памятных мест, событий и дат запечатлено в сердце каждого солдата, прошагавшего сотни километров по фронтовым дорогам.

Одним из таких памятных мест для воинов нашей дивизии была высота с отметкой 173,1, находящаяся где-то в треугольнике между городами Невель — Полоцк — Витебск. Высота эта не раз попадала в армейские сводки и дивизионные донесения.

Расположенная на сравнительно ровной, с редкими островками кустов, луговой местности, высота 173,1 господствовала над ней. Отсюда далеко вокруг просматривалась белорусская земля. Передний край проходил вблизи населенных пунктов Чайки, Дятлы, Матысово, Билево. Собственно говоря, населенных пунктов уже не было: только высокие печные трубы сиротливо торчали над пепелищами домов да спаленные деревья — в палисадниках.

На этом участке противник хорошо укрепился, и подразделения дивизии, взяв с ходу высоту, не смогли продвинуться дальше, натолкнувшись на упорное сопротивление гитлеровцев. Более того, изрядно поредевшие в минувших боях части сами вынуждены были

отражать неоднократные яростные контратаки врага. И безыменная высота, словно часовой, стояла у переднего края.

Фашисты никак не хотели смириться с потерей этой важной, ключевой позиции. За высоту разгорелись ожесточенные бои. Только в марте этот рубеж несколько раз переходил из рук в руки. Высота выдерживала адские удары авиабомб, разрывы снарядов и мин. На израненную землю ежедневно падали тысячи пуль. Изуродованная траншеями, скальпированная бомбами и снарядами, утыканная по обоим скатам минами — нашими и немецкими, — высота упрямо горбилась на виду у всех. Противные стороны знали: кто владеет ее вершиной, тот находится в выгодном положении — контролирует на много километров впереди лежащую местность. Поэтому высота 173,1 была ареной ожесточенных боев.

Март 1944 года стоял холодный, ветреный. Днем окопы и блиндажи заливало водой, а по ночам еще держались морозы и сковывали подтаявший снег. Пехотинцы в траншеях мокли, мерзли и часто простуживались. Командиры меняли подразделения на переднем крае, отводили в тылы. В наскоро построенных землянках и блиндажах солдаты отогревались у железных печурок и маленьких костров.

В тот памятный мартовский день позиции на высоте 173,1 еще с ночи занял стрелковый батальон капитана Дмитрия Дергачева. Участок на вершине был большой, а на нем окопался только взвод младшего лейтенанта В. Жиронкина. Чем могли, усилили взвод: на фланговых скатах расположились два расчета ПТР, в удобной седловинке у самой вершины поставили два противотанковых орудия, а чуть в стороне — «максим». Были заминированы также скаты высоты.

Конечно, это было жидковато для защиты высоты,

но больше выделить было нельзя. Полк, как и вся дивизия, занимал широкую полосу по фронту. Ночь прошла тихо и относительно спокойно. Только немецкие ракеты да одиночные пулеметы напоминали о том, что гитлеровцы рядом.

Но чуть забрезжил рассвет, противник обрушил на высоту всю мощь огня и металла. Ударила артиллерия, потом налетели бомбардировщики. Казалось, что высота не выдержит этого адского смерча, расколется пополам, земля загорится, а защитники высоты погибнут в огненном котле.

Не успела утихнуть артиллерийская канонада и отгреметь бомбежка, как из кустарников, темнеющих метрах в трехстах от подножия, выползли танки. Они медленно двигались к высоте.

— Ага, пожаловали, сердечные... — пошутил автоматчик сержант Петр Шульга, балагур и весельчак. — Целых восемь «кралей», — сосчитал он.

— Подожди. Это еще не все, — из соседнего окопа ответил солдат Адаев. — Это только начало...

И действительно, не прошло и минуты, как показались еще четыре темные коробки.

Напряжение росло. За танками и самоходками бежали вражеские автоматчики. Их было много, а здесь, на высоте, — неполного состава взвод... Заметно светлело, лучше и отчетливее просматривалась местность. Враг был уже совсем близко. Но Жиронкин решил выждать — бить наверняка.

— Как только противотанковые пушки начнут стрельбу, пулеметным огнем отсекать пехоту! — передал по цепи младший лейтенант.

Танки приближались. Зашевелились, забегали по траншеям пехотинцы. Каждый понимал: предстоит жестокая, упорная схватка. Вот раздался один, за ним второй выстрел наших орудий с высоты. И вражеский

танк задымил, потом вспыхнул ярким пламенем. Это обрадовало бойцов, хотя тревога за предстоящее не проходила. За спиной еще несколько раз прогрохотало орудие, и другой танк заерзал на месте. «Молодцы... Хорошо дают огонька».

Командир посмотрел в бинокль на орудие: «Кажется, сержант действует». Истребители не слышали команд сержанта: его голос тонул в грохоте бъя. Он только часто поднимал над головой руку, затем резко опускал. Это означало: «Огонь!»

Удача обрадовала Жиронкина и его солдат. Они видели, как четко и слаженно действует противотанковый орудийный расчет. Неумолчно гремели выстрелы обоих орудий. А противник молчал: не вели огонь танки, не стреляли автоматчики. Это настораживало: в чем дело, почему молчат?

У подножия высоты уже горели три вражеских танка, когда откуда-то издалека ударила немецкая батарея. С какого рубежа велся огонь, разобрать Жиронкин не мог, но снаряды ложились густо, накрывая вершину.

И сразу кругом завывало, заухало, задрожало... А танки, ревя моторами, ползли и ползли к высоте. Один из них вырвался вперед. Из его башни сверкнуло пламя, и младший лейтенант увидел, как взрывная волна, оторвав от земли солдата, выбросила его из неглубокого окопа.

Следом за танками на высоту карабкались фашистские автоматчики. Гитлеровцев было много: они с трех сторон обтекали высоту. Огонь вели ручные пулеметы, захлебывались автоматы. Положение становилось угрожающим. Жиронкин знал: надо выстоять, во что бы то ни стало удержаться на вершине. Здесь шло испытание на прочность, проверялось все: нервы, воля, мужество.

И вдруг на какой-то миг в душу заползло сомнение. «Сумеет ли удержать высоту? Мало осталось людей, а помощи не будет», — мучительно размышлял он.

Но сразу же мозг обожгла другая мысль: «Удержи... Нельзя пускать фашистов на вершину! Удержи — с тобой верные боевые друзья».

Жиронкин громко крикнул хриловатым голосом:

— Почему молчат петезрвцы? Гранаты к бою!..

Пригнувшись, офицер побежал по ходу сообщения к окопу противотанкового ружья. Солдат, стоя у своего длинноствольного ружья, спокойно смотрел на танки. Младший лейтенант выхватил у него из рук ружье, быстро прицелился и выстрелил. Танк остановился. Секунда, другая, и по нему заплясали языки пламени. Танк горел.

— Уснул, что ли? — упрекнул солдата Жиронкин, возвращая ему ружье.

— Так ведь последний патрон был, — ответил тот, — выжидал, чтобы наверняка бить...

Жиронкин понял: зря обидел солдата, но объясняться было некогда — еще два танка, а за ними самоходки упорно лезли на высоту.

Слева раздался выстрел второй противотанковой пушки, но танки шли дальше. «Вот растяпа — промазал...» — ругнул про себя наводчика Жиронкин. Но пушка снова хлестнула огнем, и танк вспыхнул.

«Это другое дело!» — обрадовался командир взвода и впервые за много минут боя улыбнулся. «Молодец сержант. Молодец...» — твердил он про себя.

Передние цепи наступавших были совсем близко. Жиронкин слышал их гортанные голоса: офицеры, покрикивая, подгоняли солдат. Уже видны были искаженные злобой лица гитлеровцев.

— Бей гранатами!.. — командовал командир и, ловко приподнявшись в окопе, первый швырнул одну за другой две гранаты. Описав в воздухе полукруг, они упали в самую гущу врагов. Из соседних окопов гранаты метнули Нурписов, Адаев и другие бойцы. Им помогали пулеметчики, поливая фашистов свинцовым дождем.

Скаты высоты огласились воплями и криками. Дальше пробиться врагу не удалось. Он не выдержал: оставляя убитых и раненых, немцы откатывались назад. Неподалеку дымилось пять танков, по склонам в серо-зеленых мундирах валялись десятки гитлеровцев. Атака захлебнулась...

На высоте приводили себя в порядок. Жиронкин обошел траншеи: смертью храбрых пали сержант Шульга и рядовой Матвеев, ранены были бронебойщики Петренко и Сафронов. Младший лейтенант сделал перестановку сил, сходил к командирам обеих орудий, побывал в окопах у петезровцев.

Немцы не заставили себя долго ждать. Часа через два, когда утро полностью вступило в свои права, в луговине показались «фердинанды» и три танка. Они сразу открыли огонь. И все началось сначала. Грохот нарастал. По высоте с закрытых позиций били фашистские пушки и минометы. Облачками едкого дыма обозначились разрывы. С тревогой смотрел Жиронкин на неуклюжие стальные коробки. Изрыгая огонь, самоходки и танки приближались. До переднего «фердинанда» было метров сто, не больше. За ним бежали гитлеровцы. Младший лейтенант заметил, что немецкие офицеры, угрожая оружием, силой гнали солдат вперед.

Таяли ряды защитников высоты. На дно окопа свалился Адаев, раскинув руки, не шевелясь, лежал Лебе-

дев. Ранило еще нескольких бойцов. А вскоре случилась беда: умолкло подбитое орудие, из которого в начале боя ловко стрелял расторопный сержант. Но высота держалась...

И вдруг Жиронкин заметил: как-то странно ведут себя враги, уж больно нагло лезут вперед, громко кричат, переругиваются между собой.

— Товарищи! Немцы пьяные... — крикнул он по цепи, словно это могло облегчить положение взвода.

Все ближе и ближе гитлеровцы подбирались к вершине. Уже не один десяток их уложили автоматчики Ликоров и Дремов, еще одна самоходка была подбита бронебойщиками, а фашисты продолжали наседавать. Вот они поднялись в атаку, и хотя врагов было во много раз больше, не дрогнули советские богатыри. Свинцовый заслон наших пулеметов и автоматов был настолько плотным, а попадания гранат такими меткими, что врагу снова не удалось прорваться.

Так захлебнулась вторая атака. Но она была не последней. Была и третья, и четвертая... Немцы хотели во что бы то ни стало овладеть высотой. Они не считались с потерями.

Под вечер снова атака, пятая за день. На этот раз, правда, гитлеровцы наступали без танков, видимо рассчитывая на то, что и так сумеют сломить поредевший гарнизон защитников высоты. Взвод Жиронкина смог встретить их только гранатами. Больше у бойцов ничего не оставалось. Опустились автоматные диски, легкими стали подсумки: почти не было патронов. Но когда немцы подползли метров на двадцать пять, с вершины одна за другой полетели гранаты. Бросать сверху было выгодно: даже если «промазал», то граната, катясь по склону, все равно найдет, кого поразить.

Это был отчаянный поединок: смерть заглядывала в глаза каждому. Несколько сот озлобленных лютых

врагов и человек двадцать усталых, израненных наших бойцов...

Неравная борьба шла теперь в открытую. Немцы видели: наших немного, но взять их трудно. Враги были так близко, что советские бойцы били в упор, на выбор. Бросив гранату, приходилось падать в окоп, чтобы не поранило осколками.

С дикими воплями подбирались к вершине пьяные гитлеровцы, а наши продолжали забрасывать их гранатами. Лица солдат почернели от копоти и пыли, движения стали резкими, торопливыми — чувствовалось колоссальное физическое напряжение. Несмотря на холодный ветреный день, бойцам было жарко... Некоторые из них даже сбросили шинели и шапки-ушанки.

Таков был этот тяжелый ближний бой за высоту 173.1. Взвод выстоял. Гитлеровцы снова откатились. Гранаты решили исход схватки. Правда, теперь и их больше не осталось. Этого, к счастью, не знали враги.

* * *

Вечером остатки взвода Жиронкина вывели с переднего края. Все герои были представлены к наградам. На высоту пришел стрелковый батальон другого полка. А на рассвете на командный пункт разведчики привели пленного немецкого офицера. Краснощекий, коротконогий, не по годам малоподвижный фашист походил скорее на базарную бабу-торговку. Старый клетчатый платок окутывал большую рыжеволосую голову. Из-под очков в металлической оправе настороженно моргали серые слезящиеся глаза.

Немец имел жалкий вид и был так напуган, что, взглянув на командира полка Ковнерова, высокого, широкоплечего богатыря, затрясся, словно в лихорадке.

— Я все, все сказать, — коверкая русские слова, начал он. — Все, только жизнь...

Как выяснилось, это был майор — командир батальона, пять раз неудачно штурмовавшего вчера высоту.

— Ого, очень кстати! — оживился полковник Ковнеров, когда переводчик прочитал документы пленного. — Пусть рассказывает все, только не врет... Спроси номер дивизии, какие потери. Узнай, почему так упорствуют?..

Пленный отвечал тоненьким голоском, который часто срывался.

— Дайте ему воды, а то еще расплатится, — брезгливо бросил Ковнеров. — Да пусть снимет с головы плавок: противно смотреть.

Гитлеровец обнажил рыжую голову. Ему подали кружку с водой. После нескольких глотков голос немца немного окреп, стал тверже. Допрос затянулся... Известные штабу полка сведения о противнике совпадали с показаниями пленного офицера.

Немец рассказал о частях, действующих против нашей дивизии, сколько солдат вчера атаковало высоту. Назвал потери: они были очень внушительны. Пленный волновался, краснел. Он говорил о беспорядках в полку, о плохом настроении своих солдат, о письмах, какие получают они из дому.

В заключение немецкий майор дал нелестный отзыв о своем командире полка, полковнике Швайцере.

— Когда батальон получил приказ захватить высоту, — переводил переводчик слова пленного, — мои солдаты заявили: не пойдем, русские уничтожат нас всех. Пришлось выдать увеличенную порцию спирта и гнать силой. Но это не помогло: от батальона почти ничего не осталось. А вечером меня вызвал Швайцер и отстранил от командования. Он сказал: плохо воюю.

Я вышел из землянки, на душе было тяжело, не знал, куда деться. Пошел по кустарнику, тут меня и схватили.

— Сожалеете об этом? — спросил через переводчика Ковнеров.

— Теперь нет. Мы проиграли войну, — ответил майор. — Я давно это понял... Понял — Россию победить нельзя. У вас несгибаемый, твердый народ. Когда-то в институте изучал историю. Помню разгром шведов, гибель армии Наполеона, гражданскую войну в России. Вы били всех. И вот теперь Гитлера... — Он вздохнул и горестно закончил: — Не один месяц я на русской земле, но характер ваш для меня все же непонятен...

— Пора бы уже понять, — заметил командир полка и кивнул переводчику: — Это не переводы, бесполезно...

На походном столике затрещал телефон. Ковнеров взял трубку. Докладывал командир второго батальона. Лицо полковника просветлело.

— Что? Что? — выкрикивал он улыбаясь. — Уходят от высоты? Хорошо!.. Значит, всыпали крепко!

Радостный и взволнованный, командир полка поднялся из-за небольшого столика и зашагал по землянке. Она была маленькая: четыре шага вперед, столько же обратно. «Значит, высота оказалась гитлеровцам не по зубам? Хорошо... Очень хорошо!» — тихо приговаривал Ковнеров... А мысли его сейчас уже нацеливались на то, как сделать, чтобы на участке полка прорвать вторую полосу вражеской обороны.

В углу землянки с поникшей головой стоял пленный майор. Для него теперь все было кончено — он больше не командир, а его батальон полег на скатах высоты, имя которой — 173.1.

АНЮТА

Весна шагала по фронту. Морозные утра уступали место солнечным теплым дням. В лесу еще лежал снег, пахло прелыми листьями, а на проталинах под первыми апрельскими лучами солнца уже пробивалась зелень.

Но войны не касалось пробуждение природы: бой разгорелся с утра. Врагу удалось обойти наши позиции с флангов, и стрелковая рота, оказавшись отрезанной от полка, отбивала атаки одну за другой.

На опушке леса в полуразрушенном блиндаже санитаринструктор Аня Максакова перевязывала раненого. Вокруг черными столбами взлетала земля, со свистом падали осколки мин.

Над головой Максаковой прошипела мина и, разорвавшись в кустарнике, обдала грязью. Вслед за разрывом к блиндажу, пригнувшись, побежали фашисты. Анюта, еще не видя их, услышала чавканье ног по грязи, встала на колени и замерла... Враги приближались, а наших солдат поблизости не оказалось: огонь вести могла только она.

Девушка схватила автомат, поудобнее припала к земле. Загремели выстрелы... Болью отдавало в плече, но она стреляла. Упал один, затем второй, третий... Ли-

вень пуль заставил остальных отпрянуть назад. А тут еще разорвавшийся среди немцев снаряд, видимо выпущенный их собственной батареей, еще больше обескуражил врагов. Теперь Аня смогла продолжить перевязку. И вдруг шагах в двадцати из окопа показался человек. Что-то крикнув и взмахнув руками, он упал. «Да это сержант Егоркин, — узнала его Аня. — Ранен?..» Она приподнялась на локтях и поползла по раскисшей земле к раненому.

— Сержант Егоркин!.. Товарищ сержант!.. — выкрикивала девушка, чуть поднимая голову. Но тот не слышал ее голоса. Близко в лесу шел бой.

Враги заметили ползущего человека и открыли огонь из пулемета. Фонтанчиками взметнулась земля; Аня сползла в воронку, уткнулась лицом в рукав. Потом подняла голову, огляделась. Да, Егоркин был рядом.

Он лежал, раскинув руки, грудь его чуть заметно вздымалась. Раненый шевелил губами, широкие плечи конвульсивно вздрагивали. Девушка напоила его из фляги, осторожно повернула, расстегнула окровавленную шинель.

Аня понимала: рана опасна, сержант потерял много крови. «Скорее на медпункт, скорее — тогда будет жить». Эти мысли торопили, жгли сердце. Быстро работали руки, аккуратной повязкой ложился на рану бинт. Сержант открыл глаза. Аня улыбнулась.

— Потерпи, голубчик! Я быстро, быстро... Не бойся, заживет... — ласково приговаривала она. А тревожная, назойливая мысль не давала покоя: «Как доставить его на медпункт?»

Аня чуть встала на колено, чтобы приподнять отяжелевшего бойца, но сбоку, совсем недалеко, грохнул разрыв. Куски сырой тяжелой земли ударили в плечо и спину, Аня прикрыла собой раненого и, ожидая

нового разрыва, закрыла глаза. Но снаряд больше не упал.

Забинтовав рану, Максакова быстро сняла с себя шинель и втащила на нее сержанта. Расстегнула ему ворот гимнастерки — так свободнее дышать. Она поползла, таща за собой нелегкую ношу: сержант был тяжелым, лесная поляна изрыта воронками и окопами.

Неподалеку снова разорвался снаряд, казалось, качнулась земля. Впереди еще раз грохнуло, она припала лицом к холодному чернозему: нужно переждать артналет. Но снаряды продолжали врываться один за другим. Она лежала, волнуясь и переживая: время шло, и с каждой минутой сержанту становилось все хуже и хуже. Ждать больше было нельзя.

И Аня поползла дальше. Ползла, торопясь, задыхаясь. Вот и наши... Напрягая последние силы, она проползла эти несколько метров, свалилась в окоп и потеряла сознание.

* * *

Возвращаясь по кустарнику в роту, Аня увидела у небольшого косогора, где только что шел бой, раненого лейтенанта Новикова. Офицер хотел присесть, опираясь на руки, но ему это не удалось. Тогда, с трудом волоча раненую ногу, он пополз.

Аня подбежала к лейтенанту.

— Потерпите. Я сейчас...

Девушка стала делать перевязку, но из-за леса вдруг показался вражеский танк. Короткими очередями он вел огонь из пулемета. Аня посмотрела вперед и остолбенела: стальное чудовище ползло прямо на человека. Впереди, метрах в двадцати от нее, лежал еще один раненый. Несколько коротких минут, и танк раздавит

его. Понимая надвигающуюся смертельную опасность, раненый пытался подняться, но не мог этого сделать. Аня видела, как он, беспомощно махнув рукой, рухнул на землю и что-то крикнул.

«Вперед, вперед!» — стучало в виски. Какая-то сила влекла Максакову подняться, подбежать к танку и остановить его. Она сама не знала, как можно это сделать, но в голове была одна мысль: «Успеть, не дать бойцу погибнуть...»

Ползти к раненому уже не оставалось времени. Чтобы успеть добраться до него, надо пробежать несколько метров, бежать открыто, с незащищенной головой и грудью. Но другого выхода не было — иначе пропал солдат.

В какую-то долю секунды, собрав в комок все нервы, она поднялась с земли. Осколки и пули, словно шмели, пели вокруг свою злую песню.

Невысокая, хрупкая на вид, совсем еще девочка, в серой фронтовой шинели и в грубых кирзовых сапогах, она устремилась вперед, держа над головой брезентовую сумку с красным крестом, словно это могло защитить от пуль.

Переваливая через небольшой бугор, танк стрелял из пулемета по позициям стрелковой роты. Языки пламени непрестанно вспыхивали у его лобастой башни. Видимо, Аня была в «мертвом пространстве»: пули ее не доставали.

Находившиеся в окопах бойцы замерли в напряжении. Момент был трагический. Раненый воин лежал беспомощный, к нему бежала санитарка, а многотонная стальная коробка танка, изрыгая смерть, шла на них.

Сделав еще несколько быстрых шагов, девушка, словно подкошенная, упала... Но вот она снова поднялась на колени и поползла... Страшные клыкастые гусеницы танка уже совсем рядом. Но в самый последний

момент Аня схватила за плечи раненого, подтянула к себе и вместе с ним скатилась в воронку, черневшую рядом. Над головой с лязгающим гулом проползло стальное тело боевой машины.

Максакова подняла голову, стряхнула с себя осыпавшуюся землю и радостно улыбнулась: жизнь солдата была спасена.

* * *

В тот сырой весенний день бойцы отбили шесть атак противника. Рискуя жизнью, Аня Максакова все время находилась на поле боя, помогая раненым.

Поздно вечером в блиндаже командира полка собрались воины, отличившиеся в бою.

— А где же Аня? — спросил полковник Ковнеров.

— Санинструктор Максакова здесь, товарищ полковник! — бойко ответила девушка.

— Чего спряталась? Иди сюда, — сказал командир, ласково глядя на девушку.

Смушенная Аня подошла поближе.

— Санинструктор Максакова, за образцовое выполнение служебных обязанностей, мужество и героизм представляю вас к награждению орденом Отечественной войны первой степени. — И, помолчав немного, добавил тепло: — Молодец. Спасибо за службу!

— Служу Советскому Союзу! — ответила Аня.

— Может, денек-другой отдохнешь? Устала ведь за эти дни?.. — заботливо спросил командир полка.

— Отдыхать некогда! Дел много. В батальоне есть раненые, за ними присмотр нужен.

— Это верно, — проговорил полковник. — Вот ты какая: не только храбрая, но и добрая... Спасибо, дочка!

ГЕРОЙ ТРЕХ ВОЙН

Теплым весенним днем сорок четвертого года дивизия шла в новый район сосредоточения. Марш, осуществлявшийся вдоль фронта, продолжался несколько суток подряд. Длинная дорога утомила солдат. Тысячи ног, копыта лошадей, колеса автомашин и повозок до самого поднебесья клубили назойливую пыль. Трудно было дышать.

Но вот полк втянулся в молодую рощицу и по колонне разнеслось долгожданное:

— Сто-о-о-ой! Пра-а-зо-йди-ись!..

Привал.

Колонна мгновенно распалась. Загремели котелки, задымили самокрутки. Раздался смех, посыпались шутки. Солдаты искали под деревьями поудобнее места, чтобы полежать в зеленой траве.

В стороне от дороги на поваленной снарядом толстой сосне среди кряжистых сучьев сидел завидного роста пехотинец. Ему было лет пятьдесят. Годы заметно посеребрили его окладистую густую бороду; поседевшие усы были аккуратно закручены полуколючками. Солдат казался немного грузноватым, но подтянутым. На плечах

поинялой, много раз стиранной гимнастерки ефрейторские погоны. На груди поблескивала медаль «За отвагу» и рядом — Георгиевский крест.

В узловатых пальцах подрагивающей руки солдат держал исписанный чернилами лист бумаги. На ресницах больших серых глаз, устремленных куда-то в пространство, сверкали слезы. Загорелое лицо его будто окаменело. Я понял: к человеку пришло горе...

Меня заинтересовал этот пожилой бородатый воин. Подойдя к нему, я спросил:

— Что случилось, товарищ ефрейтор?

Солдат неторопливо поднял голову, взглянул на меня и, увидев перед собой офицера, быстро встал.

— Ефрейтор Кудряшов, Василий Иванович, -- представился он.

По загорелой щеке солдата скатилась крупная слеза и затерялась в бороде. Видимо желая скрыть это, он быстро вытер щеку кулаком, тяжело вздохнул.

— Леньку убили фашисты... Сына... Танкиста, — проговорил он сдавленным голосом и протянул мне письмо. — Вот, товарищ майор, читайте! — А сам снова опустился на сосну, закрыл лицо руками. Нервно задергались его широкие плечи. Теперь уже он не стеснялся слез.

Я с сочувствием смотрел на пехотинца, зная, что помочь его горю нельзя.

В письме товарищи сообщали о смерти командира танкового батальона майора Леонида Кудряшова. Вспоминали о том, каким замечательным человеком он был, как часто рассказывал им об отце, который вот уже третий раз за свою жизнь сражается с немцами.

— Ленька-то сызмальства душевным пареньком был, — начал ефрейтор, оторвавшись от горестных дум. — Всем угодить, всех пожалеть старался: то кошку

чью-нибудь с перебитой ногой принесет домой, то цыпленка заболевшего... Помню, пошли мы как-то в лес делянку выбирать для дров. И попалося нам гнездышко одной птахи: пять яичек рябеньких в нем. Увидел мой Ленька яички и говорит: «Нельзя нам, батя, уходить от гнездышка — разорит его ведь зверь, и погибнут птенчики... Караулить надо...» «Так разве птенцы скоро будут? — отвечаю ему. — Недели две, пожалуй, ждать придется...» «Все равно караулить надо», — не унимался Ленька. Еле уговорил его уйти от гнезда. Потом он, постреленок, собрал ребят и каждый день бегал с ними к гнездышку-то. Все беспокоился...

Ефрейтор вспомнил и то, как ходил с сыном на рыбалку, а потом, когда парень подрос, брал его с собой на охоту.

Я знал: велико горе солдата, и ему нужно было отвлечься, выговориться. Поэтому молчал. А он говорил, говорил...

Вдруг, словно вспомнив что-то важное, Кудряшов прывисто встал. Вынул из кармана платок, вытер глаза, расправил под ремнем гимнастерку.

— Ну погодите, ироды!.. — громко сказал он. — Один у меня был Ленька-то. За него сполна рассчитаемся! Теперь жена его, Катюша, да двое внучат осиротели... В Сибири они, с моей старухой... Теперь, стало быть, мне определено: прежде чем к ним попасть, на Иртыш, должен я побывать в фашистском Берлине. Иначе мне нельзя... — закончил ефрейтор твердым голосом.

Я любовался этим широкоплечим, разгневанным богатырем. В нем было столько же доброты, сколько гнева и ненависти. Можно было позавидовать его железной стойкости. «Ни война, ни горе не сломят такого», — подумал я.

* * *

А время шло, части нашей дивизии, освобождая родную советскую землю, продвигались все дальше и дальше. Но вот один из стрелковых полков был остановлен противником на заранее подготовленном им для длительной обороны рубеже. Подразделения полка, оказавшись на открытой местности, попали в невыгодное положение.

На карте здесь был выселок; однако он сгорел, и лишь одна изба сохранилась. Приземистая, с двумя оконцами и прогнившей, осевшей крышей. От разорвавшихся поблизости снарядов она заметно покосилась. Издали казалось, что ее поддерживает кряжистая суковатая сосна, к которой она приткнулась стеной.

Очутился этот домик в нейтральной зоне.

На переднем крае наступило затишье. Только по ночам засветит ракета, да иногда протарахтит пулемет. Небольшая равнинная полоса с одинокой избой да колья с колючей проволокой разделяли позиции. О такой обстановке в сводках Информбюро обычно говорилось: «На фронте ничего существенного не произошло...» Так проходили дни.

Однажды ночью командир стрелкового батальона капитан Семен Левенцов решил установить в домике наблюдательный пункт с телефоном. Но противник обнаружил советских воинов и обстрелял из пулеметов. Пришлось отказаться от этой затеи.

А на рассвете неожиданно грохнул взрыв, и домик заслонило взметнувшимся фонтаном земли и дыма. Когда дым рассеялся, солдаты увидели груды бревен. Только одинокая сосна по-прежнему гордо стояла на луговине, словно часовой, охраняя передовую.

Светало... Утро начиналось тихое, безветренное, точно никакой войны и не было. Вдруг со стороны разрушен-

ного домика донесся надрывный плач ребенка. Солдаты насторожились, приглядываясь к груде бревен. Среди них показался мальчик в черных штанишках. Он медленно перебирался с одного бревна на другое и сквозь плач жалобно звал кого-то.

Солдаты, затаив дыхание, следили за мальчишкой. А утро входило в свои права. Лучи поднимавшегося из-за леса солнца осветили ребенка, копошившегося в развалинах. Вот мальчик пронзительно закричал и скрылся среди бревен. Горький плач беспомощного маленького человечка хватал за душу...

Капитан Левенцов опустил бинокль; лицо его помрачнело.

— Пропал парень! — сокрушенно воскликнул он.

А жалобный плач возле сосны не прекращался. Вот над бревнами показалась русая головка, в воздухе мелькнула ручонка. Оцепенели, посуровели солдатские лица.

Вдруг из окопа поднялся человек. Натянув поплотнее на голову пилотку, он вскочил и, держа в руке автомат, пригнувшись, побежал к развалинам дома.

Солдат как-то по-смешному выбрасывал в сторону ноги, делал неестественные прыжки и неожиданные остановки, словно ему требовалось ступать на землю лишь в строго обозначенном месте.

— Кажется, это ефрейтор Кудряшов, — проговорил командир батальона. — И без разрешения! Ведь рискует своей головой...

Солдат бежал стремительно. Навстречу ему застучал пулемет противника. Герой свалился на землю. Пехотинцы замерли в окопах. «Убит... Убит», — думалось каждому.

Но едва стрельба утихла, Кудряшов снова вскочил и побежал дальше, а метров через семь-восемь опять бро-

сился на землю и скрылся в высокой траве. Невдалеке ухнул разрыв мины, потом еще... Опять затрещали вражеские пулеметы, впереди храбреца вздымались маленькие фонтанчики пыли. «Перерезают ему путь», — забеспокоился командир батальона.

— Пулеметчикам — огонь! — крикнул Левенцов связному.

Застрочили наши «максимы», затрещали автоматные очереди. Завязалась перестрелка. Теперь отважный воин продвигался перебежками под прикрытием огня: чуть ослабнет огонь, он поднимался с земли и бежал дальше. Затем снова падал, выжидал и снова бежал...

Мучительно медленно тянулись минуты. С беспокойством и тревогой следили бойцы за своим товарищем. А солдат добежал до разрушенного дома и скрылся среди бревен.

Облегченный вздох вырвался у командира батальона, когда Кудряшов вновь показался и, держа в руках мальчика, доверчиво прижавшегося к его груди, смело побежал обратно. Чуть пригнувшись, он бежал быстро, а на переднем крае с обеих сторон была тишина. Видимо, происходящее заинтересовало и гитлеровцев.

И только когда ефрейтор удалился уже метров на пятьдесят от развалин избы, со стороны противника залиvisto залаял пулемет. Герой скрылся в воронке. В ответ застучали и наши пулеметы. Их гулкие очереди сливались с трескотней автоматов. Воина и мальчонку надо было выручать из грозящей им беды. Над лесной поляной разгорался бой...

Капитан Левенцов встревожился: хватит ли у Кудряшова выдержки отсидеться в воронке, переждать до вечера, чтобы с наступлением темноты добраться до своих окопов?

Между тем храбрый воин приподнялся и замахал рукой, будто пытался что-то пояснить. «Видно, солдат не

хочет и не может ждать...» — так понял Левенцов знаки Кудряшова. Что же делать? Капитан позвонил командиру полка.

— Что так шумно у тебя на участке? Лезет немец? — начал подполковник Хромозин. А когда выслушал комбата, немного подумал и сказал: — Из этого положения есть два выхода: ждать ночи и под покровом темноты выйти с мальчиком; или же ослепить врага огнем и дать ефрейтору возможность перейти опасную зону.

— Я думаю, второй вариант... — начал было довольный Левенцов, но в трубке послышался строгий голос.

— У нас с тобой для этого кишка тонка. Сейчас доложу «первому», на его решение...

Вскоре по противнику с грохотом ударили 152-миллиметровые орудия арtpолка. Позади Кудряшова и по сторонам вздыбились высокие черно-желтые султаны земли, песка и дыма. Ждать было нечего; ефрейтор поднялся, прижал ребенка к груди и побежал к своим окопам.

У проволочного заграждения солдат остановился, припал к земле и быстро оттянул «колючку» рукой. Мальчонка ловко пролез в образовавшееся отверстие, за ним последовал и сам герой. Сотни внимательных глаз обеспокоенно следили за ними.

А через несколько минут наши бойцы узнали печальную историю. Оказалось, что под домом, в погребе, как рассказал мальчик, много дней укрывалась семья колхозника: мать и двое детей. Вражеский снаряд развалил дом, женщина и девочка погибли. Мальчишка же остался цел и невредим и сейчас стоял в блиндаже перед улыбающимися солдатами. Одним он напоминал сына, другим внука, а третьим, может быть, осиротевшего ребенка вчера схороненного друга или товарища.

«Что же делать с парнишкой? — думал Левенцов. — С собой бы взять его, но батальон непрерывно в боях, опасно. Оставить здесь — значит бросить на произвол судьбы...»

Вихрастый, с яркими большими веснушками на щеках и на носу, мальчик, чувствуя, что решается его судьба, настороженно смотрел на командира, украдкой кося глазами и на солдат. Он был совсем маленький, щупленький, очень худой.

— Как звать-то тебя? — спросил капитан Левенцов, запустив пальцы в русую голову мальчика.

— Ва-ся-я-тка... — пискливо ответил тот.

— А лет сколько?

— Шестой...

— Воевать хочешь? Фашистов бить? — улыбнулся командир батальона.

— Хочу, — твердо ответил ребенок. — Только у меня ничего нет. Топор остался в подполе...

— Ого, молодец! Значит, хочешь получить оружие и боеприпасы?

— Хочу...

Так в нашей дивизии появился сын полка. Васятка был определен в медсанбат. Там служили муж и жена, они и оставили у себя мальчика.

Васятку одели в военную форму. С тех пор среди зеленых медицинских палаток бегал аккуратно одетый в брючки и гимнастерку, в яловые сапожки и пилотку со звездочкой веселый мальчик. На плечах — маленькие погончики. Завидя офицера, мальчик вытягивался и, приняв серьезный вид и поднеся руку к пилотке, громко докладывал:

— Ефрейтор Васятка!

Шли дни. Маленький «фронтовик» быстро освоился, привык к новой семье. Чувствовалось: он доволен армейской жизнью. Его любили все: командир батальона,

майор медицинской службы О. Герасименко и его жена, солдаты, медсестры. Крепкая дружба завязалась у Васятки и с его спасителем — ефрейтором Кудряшовым. Когда позволяла обстановка, пожилой воин заглядывал в медсанбат. Устроившись где-нибудь под сосной, два ефрейтора о чем-то подолгу беседовали.

Всем был доволен Васятка. Об одном лишь жалел: в прифронтовой полосе почти не было ребятишек — некому было показывать красивую армейскую форму. А ведь так хотелось этого...

* * *

Все дальше на запад продвигалась дивизия. Пролетело лето, пришла осень — тяжелое для войны время. Холод, слякоть, раскисшие дороги.

Как-то во время тяжелого боя мне пришлось заменять выбывшего замполита полка. Эта часть наступала на небольшое селение, раскинувшееся на берегу маленькой речушки. Здесь, у заросшего камышом берега, мы снова встретились с ефрейтором Кудряшовым. Эта встреча, как и первая, тоже была не совсем обычной.

Хозяйственный взвод полка располагался в глубоком овражке в полукилометре от переднего края. Над головой то и дело дзинькали пули, совсем близко, в лесу, рвались снаряды. На повозке сидел ефрейтор Кудряшов. Забинтованная рука покоилась на повязке. Шинель была наброшена на плечи, и я увидел, что рядом с медалью «За отвагу» и Георгиевским крестом к гимнастерке был прикреплен солдатский орден Славы.

Василий Иванович заметно изменился. По лицу еще гуще разбежались морщины, а в закрученных усах и бороде, как мне показалось, прибавилось седины. Мы встретились как старые знакомые. Я поздравил его с наградой. Правда, побеседовать нам не удалось — шел

бой, и было не до разговоров. Только поздно вечером я узнал от командира полка о героическом подвиге Кудряшова, за который он был награжден орденом Славы.

Враг обнаружил наблюдательный пункт стрелкового полка. Налетели самолеты. Бомбы рвались рядом. Пулемет, что стоял у входа в блиндаж, завалило землей, а расчет погиб. Из леса неожиданно бросились в атаку немецкие автоматчики. Винтовочный огонь нескольких солдат полкового комендантского взвода, разумеется, не мог остановить фашистов. Они приближались — их было не менее сорока. Момент наступил критический.

И вдруг по траншее, со стороны тыла, промелькнула чья-то голова без пилотки. Показалась широкая спина. Это был ефрейтор Кудряшов. Он стремительно прыгнул к воронке, схватил пулемет и присел в яме. Но станок у пулемета был сильно исковеркан, не было одного колеса. Тогда Кудряшов быстро отделил тело «максима» от станка, отполз несколько шагов в сторону и вставил ствол пулемета в вилкообразное деревцо. Задергались широкие плечи ефрейтора. Пулемет стучал, поливая вражеских автоматчиков свинцом. С громкими воплями они падали на землю. Атака гитлеровцев захлебнулась совсем близко от командного пункта полка.

Находчивость и мужество Кудряшова спасли положение. Из пулемета без станка он уничтожил более двадцати фашистов. Остальные разбежались по лесу...

Но и сам ефрейтор был ранен. Три дня он пролежал в медсанбате, потом пришел к командиру полка.

— Царапнула меня одна шальная, — смущенно говорил он, показывая на забинтованный локоть. — Ничего серьезного, а врачи гонят в госпиталь, но не могу я... Разрешите, пока рука подживет, побыть в хозвзводе. Все-таки хлопцам помогу. А потом снова на передовую. Расчеты у меня с фашистом не кончены.

НА БЕРЕГАХ ОБОЛИ

Перелистываю пожелтевшую от времени, измятую фронтовую тетрадь. Останавливаюсь на одной из записей: «23 июля 1944 года. В газетах напечатан Указ... о присвоении звания Героя Советского Союза двум нашим воинам: командиру роты лейтенанту Виктору Веденко и комсorghу батальона Алексею Зуеву».

В памяти одна за другой встают картины тех трудных военных дней. Лето сорок четвертого... Наша дивизия с тяжелыми боями наступает. Враг яростно сопротивляется. За спиной у него, на берегах Западной Двины, мощный оборонительный рубеж. В захваченных документах он именуется «линия Тигр». В центре — старинный город Полоцк. Это — ворота в Прибалтику, потому так и цепляются за него фашисты.

Позади остаются опаленные войной земли Белоруссии. Лесные, болотистые места — партизанский край. Ломая упорное сопротивление противника, наши полки продвигаются вперед.

Даже по ночам не прекращался орудийный грохот и безудержный пулеметный лай. То и дело вспыхивали яркие языки пламени гвардейских минометов, а ракеты и огненная метель трассирующих пуль освещали местность, как днем.

В том году лето в тех краях было жарким. Разгоняя легкую дымку тумана, по утрам над лесами и полями

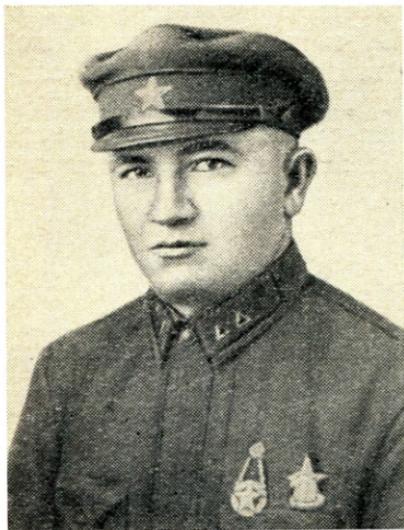
поднимался яркий диск июньского солнца. Однако висящие в воздухе клубы дыма и пыли заслоняли его. На переднем крае нечем было дышать. Бои шли не только на земле, но и в воздухе. Наступательный порыв все возрастал. От успеха дивизии зависело выполнение боевой задачи корпуса, а во многом и всей нашей армии...

ПОДВИГ ЛЕЙТЕНАНТА ВЕДЕНКО

Наступая в голове полка, стрелковая рота под командой лейтенанта Виктора Веденко вырвалась на опушку молодого леска, окаймлявшего с трех сторон заболоченную луговину. Впереди, за болотом, горбился вражеский дзот. Видимо, у противника здесь был узел сопротивления. Наполовину упрятанный в землю дзот свинцовыми струями хлестал по опушке леса, куда вышли бойцы. В пылу боя командир не заметил, что у болота оказалась только его рота. Длинным, тонким клином она вдавалась в оборону противника. Другие подразделения полка отстали. Болото было неглубокое, кочковатое, поросшее высокой густой осокой. Наверное, здесь проходил стык немецких подразделений: гитлеровцы располагались только по краям.

Веденко был храбрым, волевым человеком. Он привык добиваться намеченного. Вот и сейчас, взвесив создавшееся положение, он принял решение: преодолеть болото и ударить с тыла.

Недалеко за леском, что начинался по ту сторону болота, проходила железная дорога. Это — очередной рубеж, который рота должна достигнуть. Но пока Веденко оценивал обстановку, внимательно осматривал местность, стараясь угадать схему вражеской обороны, противнику удалось замкнуть кольцо. Хотя прошло всего

В. А. Ведыко (1932 г.)

несколько считанных минут, рота оказалась в окружении. Теперь враг наседал со всех сторон. Предстояла жаркая схватка...

«Только вперед. Где-то совсем близко находится станция Оболь, носящая название реки. Туда идут все роты полка», — размышлял лейтенант.

Усилив ручным пулеметом отделение сержанта Скворцова, Ведыко направил его на левый фланг, к растущему вдоль опушки кустарнику. Сам же с основной массой роты устремился

прямо. Но враги тоже решили воспользоваться кочковатым болотом: маскируясь высокой травой и ведя огонь из автоматов, они стали быстро приближаться. Фашистов было много. То и дело раздавались их громкие резкие выкрики: «Шнелль!», «Шнеллер!». Это офицеры подгоняли солдат.

Положение было угрожающим: враг наседал, а пулеметный огонь из дзота не давал бойцам оторваться от земли. Был ранен командир взвода, выбыло из строя несколько бойцов и сержантов. Ведыко посмотрел назад, откуда могли появиться однополчане. Но в лесу — никого... Медлить нельзя.

— Приготовить гранаты! — прозвучал властный голос лейтенанта. А через полминуты еще более громкое:

— За мно-о-о-о-й!

Веденко приподнялся. В одной руке автомат, в другой — граната. Среднего роста, коренастый, чуть пригнувшись, он побежал по болоту. Вслед за ним бросились остальные солдаты. Одновременно продвигалось и посланное на левый фланг отделение.

— Впе-е-ре-д! Ур-ра-а! — гремело над болотом. Надсадно трещали автоматы, рвались гранаты. То и дело вскидывались кверху фонтаны болотной жижи. Падали скошенные свинцом враги. Рота продвигалась...

— Бей! Бей фашистов! — голос Веденко увлекал пехотинцев.

Но вот неожиданно поднялись фашисты: и те, что прятались в зарослях осоки, и остальные группы гитлеровцев, находившиеся по краям болота. Ведя с ходу беспорядочный огонь из автоматов, они бежали навстречу нашим воинам. Теперь серо-зеленые мундиры были настолько близко, что Веденко показалось, будто он чувствует запах их сукна. Каждому фронтовику хорошо знаком этот резкий специфический запах вражеского обмундирования. Уже хорошо видны искаженные злобой лица врагов, слышалась их ругань...

Бой разгорался. Теперь наступавшей роте приходилось обороняться. А враг контратаковал превосходящими силами. Не считаясь с потерями, немцы лезли в болото все дальше... Две силы, две воли столкнулись на небольшом клочке белорусской земли. Это было испытание нервов, стойкости и упорства. Казалось, проверялся запас человеческих возможностей, всего того, на что был способен каждый.

Рота героически отбивалась. Веденко видел, как сержанта Козлова окружили четверо фашистов. Они беспорядочно стреляли из автоматов, неистово орали:

— Сдавайс! Сдавайс, рус...

Сержант, прячась между кочками и маскируясь осой, отполз немного в сторону и, стремительно встав на колено, ловко метнул гранату.

— На-ка вот выкуси! — громко выкрикнул он, снова хлопнувшись в грязную жижу... Раздался оглушительный взрыв, и ржавого цвета столб болотной воды высоко взметнулся над травой. Три гитлеровца свалились замертво. Четвертый повернул было назад, но автоматная очередь настигла и его.

С тревогой на сердце увидел Веденко, как после выстрелов фашиста упал словно подкошенный ефрейтор Конкин. «Убит», — с болью и горечью подумал командир. Однако, когда враги приблизились к бойцу, из травы полетела граната. Снова послышались душераздирающие вопли, а Конкин осыпал свинцом уже других гитлеровцев.

На секунду оторвавшись от происходящего, Веденко мельком взглянул на часы. Прошел уже целый час, а конца боя не видно... Он продолжался с прежней силой. Падали в трясину сраженные враги, но редели и ряды роты, а подмога где-то задерживалась.

Не мог тогда видеть командир всего геройства своих бойцов; ему казалось, что врагов уничтожено мало, что их силы почти не уменьшаются. Но это было не так. После боя, когда кончилась кровавая схватка и оказалось возможным подсчитать свои потери и установить потери противника, выяснилось, что восемь фашистов уничтожил уральский паренек комсомолец Конкин. Шестерых сразил украинец Максюк. Более десяти гитлеровцев легли от метких пуль отделения Скворцова. Немало поверженных врагов и на счету других бойцов. Однако все это стало известно лишь потом, а пока положение роты оставалось крайне тяжелым. И в этот критический момент, когда у командира, может быть, впервые за всю

войну, на какую-то долю секунды вкралось в душу сомнение: а выстоит ли рота, — с левой стороны раздалось громкое русское «ура».

Веденко устало улыбнулся: это ударило отделение Скворцова. Лейтенант потерял его из виду, а бойцы, умело маскируясь высокой травой, подползли незамеченными к дзоту и вот теперь, очутившись на фланге, неожиданно атаковали врага. Дзот был уничтожен.

Этот маневр решил дело: немцы не ожидали такого, растерялись и сразу ослабили натиск. А Веденко, воспользовавшись их растерянностью, скомандовал своим бойцам: «Вперед!» Гитлеровцы не выдержали этого решительного удара и побежали к лесу, теряя людей. Болото осталось позади, рота вырвалась из кольца.

Впереди было небольшое, почти дотла сгоревшее селение. Веденко решил с ходу ворваться в него. Но что это? Прошло всего несколько минут, и фашисты, видимо опомнившись, стали группами выбегать из леска на окраину селения. Каждая минута была дорога. У лейтенанта молниеносно созрел план: не ждать, упредить врага.

Веденко приказал группе воинов во главе с сержантом Козловым быстро подобраться к окраине села и не дать врагу там сосредоточиться.

— Ориентир — высокая сосна, что выделяется на опушке. Огнем двух ручных пулеметов прикрыть правый фланг роты. — Командир показал рукой на местность.

Козлов и его бойцы немедленно побежали.

Веденко отдал приказание оставшимся с ним бойцам:

— Снять с гранат чеку! Поставить на взвод, взять в левую руку автомат...

Уверенность командира, его спокойствие передалось бойцам; они быстро и четко выполнили команду, готовясь к новой схватке.

— За мно-о-о-й! — крикнул Веденко.

Стреляя на ходу из автоматов, бойцы стремительно приближались к накапливающимся у рощицы гитлеровцам. Это ошеломило их, и они залегли. Грохнули взрывы гранат. Наши воины вырвались вперед. Вот уже и железнодорожная насыпь. А отсюда рукой подать и до станции. Но, чтобы подойти к ней, лейтенанту еще не один раз пришлось поднимать своих бойцов в атаку. Только отбив пятую контратаку врага, пехотинцы прочно закрепились на достигнутом рубеже. Тут и подошли другие подразделения полка. В этом жестоком бою Веденко лично уничтожил до двадцати вражеских солдат.

Рота первой ворвалась на станцию. Кругом валялись вражеские трупы, на железнодорожных путях горели груженные вагоны. Не успев вывезти, враг решил уничтожить награбленное добро. Пожар быстро ликвидировали — и снова вперед. Станция Оболь осталась позади; 334-й полк продвигался дальше.

Поднявшееся над лесом солнце светило по-особенному ярко. Начинался новый день наступления. Вражеская оборона рушилась. Противник откатывался назад. Преследуя его по пятам, 47-я стрелковая дивизия выходила к берегам Западной Двины.

Но этого уже не видел бывший колхозный бригадир с Николаевщины, отважный командир роты лейтенант Веденко. Не мог знать Виктор Антонович и того, что вскоре в дивизию пришла весть — Указом Президиума Верховного Совета СССР за бои на Оболи ему было присвоено почетное звание Героя Советского Союза. Фашистские пули сразили доблестного офицера. Виктор Веденко навсегда остался на берегу Оболи — быстрой белорусской реки.

КОМСОРГ АЛЕКСЕЙ ЗУЕВ

После нескольких дней упорных боев стрелковый полк под командованием Максима Ильича Хромозина подходил к берегам реки Оболь. Совсем близко, за неширокой, покрытой зеленым ивняком луговиной, поблескивала живительная, бодрящая гладь реки. Солдаты ой как мечтали о ее прохладной влаге: солнце нещадно морило зноем, на небе ни облачка, на земле ни ветерка! Вода в солдатских флягах давно уже кончилась. А тут совсем рядом — река! Близко... Но враг не пускал к берегу.

Небольшая, но глубокая, с обрывистыми берегами, поросшими кустарником, Оболь являлась серьезной преградой. Попытка преодолеть ее с ходу не увенчалась успехом. Фашисты укрепили берег, подступы к реке обстреливались пулеметным огнем. Первой форсировать Оболь было поручено стрелковой роте лейтенанта Василия Карпенко.

Приближался вечер. Вырвавшись вперед, рота стала продвигаться к берегу. Однако подойти вплотную к реке не удалось. Враг встретил бойцов интенсивным пулеметным огнем, а затем из кустов вышли три танка и тоже открыли огонь. Пехотинцы залегли. Когда надвинулись сумерки, враг контратаковал. Рота Карпенко отразила натиск противника, но через ее боевые порядки в тыл просочились отдельные группы гитлеровцев. Теперь противник был впереди и сзади. Другие подразделения полка, ведя бой, задержались где-то на подступах к реке. А губительный огонь врага не ослабевал.

«Что делать? — задумался командир роты. — Впереди противник, но сколько его — неизвестно. Отойти назад нельзя — и там уже гитлеровцы». Зная, что вот-вот должна подойти подмога, Карпенко решил ударить по берегу.

Перед залегшей ротой расстиралась небольшая поляна. За ней по косогору спускались редкие молодые сосенки с посеченными осколками снарядов стволами. И наконец, на самом берегу реки густые сплетения лозняка: там враг. Поляна заросла высокой травой, обильно расцвеченной цветами. В другое время цветы радовали бы человека, но сейчас было не до них. То тут, то там чернели воронки от авиабомб и снарядов, нарушая мирную красоту заливного луга.

Бойцам роты нужно было пробежать под огнем полторы-две сотни метров открытой поляны и редкого сосняка. Затем, ворвавшись в заросли кустарника, захватить траншеи врага на этом берегу. Захватить... Но как это сделать, если фашисты посылали в нашу сторону дождь свинца?

На участке, где один взвод глубже других вклинился во вражескую оборону, — здесь кустарник был погуще, что облегчало маскировку, — появился лейтенант Зуев, комсорг батальона, находившийся вместе с ротой Карпенко. Алеша Зуев, любимец 353-го стрелкового полка, комсомольский вожак батальона. Стройный, немного застенчивый юноша с умными, выразительными глазами и чуть заметной улыбкой на губах... Приподнявшись в траншее, Зуев внимательно оглядел поляну и понял: опасность большая, но медлить никак нельзя.

Карпенко подал сигнал атаки. Зуев первым поднялся и, громко крикнув: «Ком-со-мо-льцы, за мно-о-о-й!», побежал вперед. Первыми выскочили из окопов Воронин, Юрьев, Васильев, Шарков. Это были лучшие воины роты; они устремились к кустарнику. За ними бросились десятки солдат...

Фашисты усилили огонь: из мелколесья застрочили пулеметы, на поляне загрохотали разрывы мин. Но ничто не могло остановить порыва атакующих. Они бежали вперед, падали под огнем, прятались от пуль в густой

траве и снова поднимались для броска. Теперь река была совсем близко — только преодолеть бы эти кусты ивняка.

Вот уже отдельные группы смельчаков приблизились к кустарнику. Карпенко надеялся, что еще один рывок — и рота достигнет окопов врага. В этот момент навстречу вышло еще два танка; они вели на ходу пулеметный огонь. Это внесло замешательство. Солдаты залегли. А на поляне рвались снаряды и мины, над головой со злым посвистом пронеслись пули. Видел Карпенко: в траве неподалеку лежал раненый солдат, вот за грудь схватился другой, пулеметная очередь накрыла третьего. Огонь был очень плотный. Продвигаться вперед стало невозможно. Но и лежать здесь так, незащищенными, тоже было опасно.

«Плохо дело, очень плохо...» — тревожно думал командир роты. Случилось именно то, чего он так опасался. Что же теперь делать?

Карпенко передал по цепи: «Окапываться». Но стоило чуть поднять голову или руку с саперной лопаткой, фашисты усиливали огонь. Прижатая к земле рота казалась беспомощной. «Так долго не продержаться, — понимал Василий Карпенко, — несем неоправданные потери, наступательный порыв иссяк, солдаты устали...» И все же лейтенант чувствовал: наступил момент, когда успех зависел от одного натиска, стремительного броска вперед. Может быть, от порыва одного человека... Требовалась искорка, ее кому-то надо было зажечь. Верил Карпенко: нанеси он этот последний удар, и враг не выдержит — рота достигнет берега.

Но как вывести бойцов из оцепенения, в котором они сейчас находились? Что сделать, чтобы прибавить им силы, заставить оторваться от земли, выпрямиться и броситься на врага? Карпенко знал: для того чтобы подняться сейчас, нужна огромная сила воли, величайшее

усилие. Может быть, даже самопожертвование. Но это было необходимо. Только решительность и мужество, стремительный, яростный бросок могли спасти положение.

В этот момент к лейтенанту Карпенко подполз Зуев. Как всегда, комсорг был спокоен, хотя морщинки прорезали лоб и крупные капли пота покрывали его покрасневшее загорелое лицо. Зуев тяжело, натужно дышал. «Полз долго, — подумал Карпенко, — нелегко это сейчас...»

— Я посоветовался с комсомольцами в цепи... Поднимутся!.. Давай сигнал атаки!.. — проговорил Алексей прерывистым голосом, обтирая рукавом гимнастерки катившийся с лица пот. Зуев сейчас был удивительно на кого-то похож. «Сын или брат чей-то, из знакомых», — подумалось Карпенко. Но разбираться в этом не было времени. Командир роты очень обрадовался, что Зуев рядом.

— Молодец, Алеша, — взволнованно сказал офицер. — Спасибо... — Карпенко дружески положил руку на плечо комсоргу. Он хорошо понимал, каких трудов стоило ему проползти эти десятки метров по луговине, где простреливалась каждая пядь земли.

— Мы с тобой поднимемся, — говорил лейтенант, — но этого мало. Надо, чтобы кто-нибудь еще из солдат, из младших командиров. Это поможет, понимаешь?..

— Младший лейтенант Проскурин, сержанты Перкин, Ершов... Я говорил с ними, — ответил Зуев.

Карпенко отлично знал этих храбрых и толковых командиров.

Впереди, совсем уже близко, полз вражеский танк. Алексей хорошо видел, как слева у орудийной башни торчал пулемет, изрыгающий огонь. Чуть подними голову — и смерть...

Но ждать было нельзя. «Промедление смерти подобно, — вспомнились Зуеву крылатые слова. — Пора... пора», — назойливо било в виски.

И он пополз в сторону. А через несколько минут, чуть приподнявшись, взмахнул левой рукой и звонким голосом крикнул:

— Товарищи... впе-е-ре-е-д!..

Комсорг рванулся к кустарнику. Словно электрический ток прошел по цепи, всколыхнул солдат. Зашевелились, задвигались пехотинцы, но продолжали лежать...

А Зуев бежал. Один... По спине Карпенко забегали мурашки. «Неужели не выйдет?.. Не может этого быть! Поднимутся. Должны подняться...» — лихорадочно думал он.

Две, три, а может быть, и пять секунд Зуев бежал один. Совсем близко застрочил немецкий пулемет... Теперь поднялся Карпенко. Он быстро огляделся и громко прокричал:

— Перкин... Ершов, за мной!..

В нескольких шагах впереди, не обращая внимания на пули, с пистолетом в руке бежал комсорг стрелкового батальона. Хрупкий, с тонкой девичьей талией, он сейчас был грозен. Какая-то влекущая сила исходила от этого человека, она звала вперед — требовательно и настойчиво.

Пригнувшись, стремительно бежал за ним Карпенко. Он уже чувствовал, что они с Зуевым не одни: десятки солдат бежали за ними... Совсем близко сержанты Перкин и Ершов, ефрейтор Разумный. И много, много других...

Все яснее слышался топот ног. Вот кто-то уже обогнал его. Потом еще двое очутились впереди. И еще...

— Бей! Бей фашистов!.. — слышались со всех сторон голоса.

Комсорг обернулся, на мгновение радостная улыбка засияла на его лице. Увлеченные его порывом бойцы шли в атаку.

За спиной заговорили «максимы». Зуев обрадовался: «Свои это. Пулеметная рота поддерживает. Хорошо... Очень хорошо!..»

Короткими перебежками, падая в траву, когда противник усиливал огонь, и снова быстро поднимаясь, Алексей добежал до кустарника.

Вот и река. Могучее русское «ура» слилось с трескотней автоматов. Пехота шла в атаку. Грохнула кем-то удачно брошенная граната. Раздался второй, третий взрыв... Запылал танк, а другой, с перебитой гусеницей, заерзал на месте. Остальные танки скрылись в кустарнике.

Рота, а за ней и подошедший стрелковый батальон вышли к Оболи. Гитлеровцы стали поспешно отходить вдоль берега.

В голове батальона рота Карпенко преследовала врага. В том месте, где излучина реки уходила в сторону, на пути лежала сожженная деревня Захарово. Она была опорным пунктом во вражеской обороне. Нужно было срочно разведать селение.

Лейтенанты Зуев и Карпенко быстро сориентировались по карте: изучили подступы к деревне и определили выгодное место для переправы. Рота продвигалась дальше. На берегу среди деревьев показался полуразрушенный дом. Кругом него большие воронки, наполненные водой ржавого цвета. Дом небольшой, с чердаком. Это строение уцелело чудом; только стекла в окнах были выбиты. Никаких построек поблизости не сохранилось.

Когда солдаты скрытно подобрались к зданию, с чердака полетели гранаты. Сильно контуженный Карпенко

упал на землю. Зуев приказал двум бойцам отнести командира в кустарник. Сам решил уничтожить засевших на чердаке гитлеровцев.

Автоматчики под командой Проскурина очищали от вражеских солдат прилегавшие к дому кусты. Раздавались громкие отрывистые выкрики пехотинцев:

— Заходи слева!

— Бей гранатой!.. Бей!

Зуев ползком незаметно подобрался к дому с противоположной стороны. С гранатой в руке он выскочил из-за угла. Над ним в раскрытой двери чердака у пулемета сидел фашист. Гитлеровец рассматривал в бинокль кусты, где шла рукопашная схватка. Он, видимо, выискивал для себя цели.

Алексей не стал мешкать: одна за другой на чердак полетели две гранаты. После броска лейтенант скрылся за углом дома, думая, что на чердаке находится немало фашистов. Но, как оказалось, там было только два вражеских солдата. Они были убиты наповал.

Теперь путь открыт. Медлить нельзя. До изгиба реки оставалось несколько десятков метров. С высокого берега, поросшего кустами, в бинокль хорошо просматривалась огневая система вражеской обороны на противоположном берегу.

Карпенко стало совсем плохо, он не мог больше руководить боем. И комсорг принял решение.

— Слушай мою команду! — крикнул Зуев. Солдаты, повинаясь, насторожились. Лейтенант разбил роту на две группы и повел их к реке через кустарник. Продвигаясь вперед, воины натолкнулись на дзот. Он стоял, спрятанный в густом бурьяне у самой реки. Это была последняя огневая точка врага на правом берегу. В амбразуре полыхнули огненные вспышки, раздался дробный стук, и над головой засвистели пули. Солдаты снова залегли...

До дзота оставалось метров пятьдесят, не больше. Впереди — трава, высокая, густая: укроет от врага! И Зуев решил: условным сигналом он вызвал к себе младшего лейтенанта Проскурина.

— Дзот надо заставить замолчать. Понимаешь?! Возьми сам ручной пулемет и трех хороших стрелков. Прикройешь. Я поползу...

Проскурин даже растерялся. Он почувствовал стыд, будто провинился в чем-то.

— Зачем же тебе? Лучше я попробую...

— Не пробовать надо, а наверняка, — строго возразил лейтенант. — Прикрывай, говорю...

Командир взвода лег за пулемет. По бокам — три бойца: они открыли огонь. А Зуев полз. Используя отрытые гитлеровцами ячейки и воронки от снарядов, он быстро удалялся. Десятки глаз напряженно следили за храбрецом.

Пулемет из дзота разбрасывал струи смертоносного огня; ему вторили, захлебываясь, десятки автоматов. Пятнадцать... десять шагов осталось... Алексей сполз в немецкий окоп и увидел противотанковую гранату, лежащую на свеженарытой земле бруствера. Комсорг осмотрел гранату: большая, круглая, вроде все в порядке. Недолго думая, он проверил запал, приподнялся и швырнул ее, а сам бросился на дно окопа.

Оглушительный взрыв потряс воздух...

— Приготовиться! — раздалась команда.

Зуев сел на землю, быстро разулся. Заткнул сапоги за ремень. Пистолет и комсомольский билет положил в пилотку и связанными портянками закрепил сзади, на шее.

— За мной, товарищи!.. — громко прокричал лейтенант и, пробежав несколько метров, первым прыгнул с обрыва. Холодная вода приятно бодрила. Ловко выбра-

сывая вперед руки, комсорг плыл к противоположному берегу. За офицером, подняв в одной руке автоматы, плыли солдаты.

Листовка, посвященная Герою Советского Союза А. М. Зуеву

Все это произошло очень быстро и неожиданно для немцев. Затем короткая, жаркая схватка на том берегу — и враг не выдержал: побежал... Рота захватила плацдарм. Показывая пример личной храбрости, Зуев уничтожил несколько вражеских солдат. Вскоре подошли батальоны; это обеспечило успех переправы наступающего полка...

Вскоре из политотдела 6-й гвардейской армии на передовую прислали сотни листовок. Их украшал портрет героя. В листовке рассказывалось о подвигах лейтенанта Зуева. В те дни поэт Алексей Сурков находился на нашем фронте. Он написал стихи «Герой-комсомолец». Стихи были посвящены комсомольскому вожаку, который сквозь дым и пламя вел солдат к победе. Стихи о Зуеве напечатали на оборотной стороне листовки. Были там такие строчки:

Он честь Героя заслужил
В той схватке за рекой,
Тринадцать немцев уложил
Комсорг своей рукой..

НА ПЕРЕДНЕМ КРАЕ

Командир полка Сергей Георгиевич Богачев оторвал взгляд от карты, разложенной на небольшом, сбитом из неструганых досок столике, и посмотрел в оконце землянки. Грязная вода стекала по стеклу на осклизшую от сырости стену.

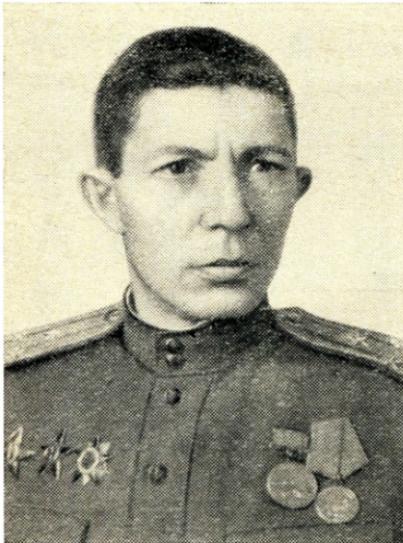
Нудный морозящий дождь сыпал третьи сутки. Дождь и туман, туман и дождь... Такая промозглая погода не на шутку испортила настроение полковнику. Богачев поднялся и, заложив руки за спину, заходил по землянке.

Невысокий, чуть сутуловатый, с проседью в волосах, полковник медленно прохаживался и сосредоточенно думал. Боевая обстановка, сложившаяся в эти ненастные дни, явно не благоприятствовала наступлению. Богачев взглянул на карту. За широкой, клином уходящей вперед луговиной вдоль шоссе длинной изогнутой подковой тянулись холмы и, перерезав дорогу, прятались в лесах.

Местность была выгодна для обороны, и потому попытки полка захватить вражеские позиции не давали успеха. Здесь противник остановил стрелковые батальоны. Пришлось наскоро окапываться, выжидать...

В дверь постучали.

— Войдите, — сказал полковник.

С. Г. Богачев

— Лейтенант Буртак по вашему приказанию прибыл! — доложил вошедший.

Перед Богачевым стоял стройный подтянутый офицер. Волевое лицо, живые сосредоточенные глаза. Это был прославленный разведчик дивизии, которого за храбрость и умелые действия звали героем.

Полковник молча кивнул на столик и неторопливо подошел к карте, склонился над ней. Пристально глядя на лейтенанта, словно изучая, выполнит ли задание, заба-

рабанил пальцами по доске.

— Требуется установить тщательное наблюдение за противником на переднем крае... Понимаете, надо разведать намерения врага. Время на это — сутки: в следующую ночь мы должны уже иметь точные данные... Это я поручаю лично вам, — проговорил командир полка. — Действовать придется на «ничейной» полосе и за ней, вот на этом участке, — показал он карандашом на топографической карте. — Внимательно изучите по карте передний край. Прежде всего вас должны заинтересовать вот эти холмы и кустарники...

Буртак углубился в изучение карты, а Богачев снова посмотрел в грязное оконце землянки. Мысли в голове роились невеселые, тревожные: непогода осложняла проведение боевой операции.

— Задача ясна, товарищ полковник, — четко сказал лейтенант, выводя из раздумья командира.

— Сколько потребуется людей? — спросил Богачев.

— Возьму человек пять-шесть.

— Хорошо...

Той же ночью разведчики удачно просочились через передний край и добыли «языка». Под утро с двумя солдатами Буртак привел захваченного немецкого офицера. Он оказался штабником гитлеровской саперной части. Для наблюдения Буртак оставил на скате холмов сержанта и двух солдат.

Лейтенант уже собрался возвращаться назад для дальнейшего выполнения своей задачи, но его задержали: пленный офицер сообщил очень ценные сведения, как раз то, что было нужно Богачеву.

Утром дождь прекратился. Сквозь дымчато-серые рваные облака выглянуло солнце. Ожил лес. Оставленные на «ничейной» разведчики под командованием опытного солдата Николая Дуничева рассредоточились, хорошо замаскировались в кустарнике и вели наблюдение за передним краем. Вот Дуничев заметил, что на невысокой отдельно стоящей кряжистой березе как-то странно меняется расположение ветвей: то они становятся гуще, то вдруг в том же месте начинают редеть.

Разведчик замер. Он лежал среди кочек, поросших кустарником и травой, набросив на плечи плащ-накидку. Долго ждать не пришлось: ветви зашевелились, и в том месте, где они стали реже, Дуничев увидел человека. Сомнения не было: на березе вражеский снайпер или разведчик.

Долго лежал солдат, не шевелясь, обшаривая настороженным взглядом дерево. Немец был недалеко, стоило дать очередь из автомата — и конец фашисту. Но Дуни-

чев не торопился: он хотел точно установить, что делает гитлеровец. Тот раздвигал ветви дерева, наблюдая за передним краем.

Но произошло непредвиденное: то ли Дуничев неловко повернулся среди кочек, то ли блеснули стекла бинокля, но только фашист заметил его. Разведчик понял это по нервозности, которую проявил враг. Вот среди негустой уже листвы дерева показался ствол автомата. Дуничев переполз за другую кочку... Автомат скрылся. «ВЫжидает момент, чтобы наверняка, — подумал воин. — Но посмотрим, чья возьмет...»

Дуничев спрятался за ветвистым кустом ивняка, снял с плеч сырую от дождя плащ-накидку и, накинув ее на ветку так, что она выделялась над землей, укрылся за небольшой кочкой.

Как и следовало ожидать, с березы раздалась автоматная очередь, и плащ-накидка свалилась с куста. Дуничеву показалось, что он разглядел среди зеленых ветвей ухмыляющееся лицо фашиста. Тот был уверен, что русский убит. Николай осторожно прополз вперед еще несколько метров. Теперь он лежал совсем близко от дерева, но решил пока повременить, не стрелять. «Пусть считает меня мертвым, а я понаблюдаю за другими березами: может, и на них кто спрятался», — решил разведчик.

Дуничев хорошо видел гитлеровца. Тот вынул из кармана мундира небольшой блокнот и стал в него что-то записывать. Момент был подходящий, и Николай не выдержал — дал очередь из автомата. Фашист мешком свалился с березы. Дуничев подполз к дереву, немецкий солдат был мертв.

Прошло часа три. Осенний день все больше вступал в свои права: мягко пригревало солнце. Дуничев не за-

метил, как миновал «ничейную» полосу и очутился на вражеской территории. Вскоре он обнаружил в кустарнике немецкую самоходку. Возле длинноствольного «фердинанда» возились несколько фашистов. «Подбита или в расчете одни растяпы?» — подумал разведчик. Он стал внимательно наблюдать за гитлеровцами. А заманчивая мысль не давала покоя: «Уничтожить... и самоходку и расчет...»

Соблазн был велик. Но Дуничев не знал, где сейчас находятся два других разведчика: поблизости или остались на «ничейной». И все же решился. На ремне в сумке было четыре гранаты. Солдат вынул три, связал их носовым платком, взвел автомат и пополз по кустарнику дальше.

Уже совсем близко «фердинанд», возле него стоят и переругиваются немцы. «Шестеро», — сосчитал Дуничев. Они что-то исправляли у самоходки: открывали мотор, залезали наверх, переговаривались.

Чувствовалось, они торопятся, ведь совсем рядом «ничейная» полоса, и мало ли что может случиться...

Время шло, а Дуничев все выжидал, собрав всю свою волю, весь запас терпения и выдержки. Его беспокоила судьба тех двух разведчиков: хорошо, если бы они находились неподалеку! Боялся он и того, что его товарищи обнаружат себя раньше времени... Дуничев понимал, что уничтожить врагов сейчас не представляло особого труда: оружие у фашистских солдат было на самоходке — бросить гранату и дать очередь из автомата, и конец. Но он чувствовал ответственность за выполнение задания — надо выявить намерения врага. В голове его, еще неясный и неосознанный, зрел план. Вдруг случилось то, чего ему так хотелось: заработал мотор самоходки. Разведчик видел, как зашевелилась, затряслась стальная коробка «фердинанда». Немцы оживленно за-

говорили, засмеялись. Теперь пора. Когда спрячутся за броню, их не возьмешь.

Разведчик выдернул из одной гранаты предохранительную чеку, нажал на рычажок и, приподнявшись на колено, бросил связку гранат туда, где кучей стояли враги. Сам свалился на землю. Когда грохнул взрыв, Дуничев быстро поднялся, дал очередь из автомата. Затем громко крикнул:

— Семенов, Егоров и Маслов, заходи справа!

Двое оставшихся в живых гитлеровцев, решив, что их окружают, метнулись в сторону. Но автоматная очередь скосила их.

Дуничев подбежал к самоходной пушке. План созрел молниеносно: не подрывать гранатой мотор, не поджигать горючее, что вначале он намеревался сделать. «Быстрее, быстрее заводи!» — лихорадочно работала мысль.

До войны Николай учился на тракториста. Он разбирался в технике. Мгновенно вскочил на сиденье, перевел рычаги. Мотор еще громче заурчал, самоходка задрожала и двинулась с места. Разворачиваясь, стальная машина мяла кусты, быстро набирая ход. Вот позади осталась «ничейная» полоса, уже близко свои окопы...

На немецкой стороне поднялся переполох: фашисты открыли беспорядочную стрельбу, забежали, закричали. Несколько раз ухнула пушка: гитлеровцы стреляли из орудия по своему «фердинанду». Но было поздно.

Когда враг опомнился, Дуничев был далеко. Исправную самоходку с полным боекомплектом снарядов храбрец привел в расположение полка.

— Товарищ командир! — с сияющими от радости глазами докладывал Дуничев лейтенанту Буртаку. — На переднем крае полный порядок. Уничтожено семь вражеских солдат. Одного сбил с дерева, а шестерых — вот у

этого трофея. — Он повернул голову к самоходке и улыбнулся: — Совсем исправная, и полный запас снарядов...

— Спасибо, Коля... — Буртак схватил солдата в охапку и крепко поцеловал. — Спасибо!

Вскоре вернулись с «ничейной» полосы собравшие полезные сведения о противнике два других разведчика.

— Ну что же, Дуничев, пойдем к командиру полка и доложим обо всем, — сказал Буртак.

Они направились на НП полка.

Вскоре за неоднократное образцовое выполнение боевых заданий командования и проявленные при этом мужество, отвагу и героизм доблестный разведчик Николай Васильевич Дуничев был удостоен звания Героя Советского Союза.

ЧЕЛОВЕК В ШИНЕЛИ

Это было накануне 27-й годовщины Октября. Ноябрьский день выдался на редкость теплым и солнечным для этих мест. И все же время брало свое, природа готовилась к зиме: оголенными стояли березы, под ногами шуршала пожухлая трава, громко, словно недовольные чем-то, в лесу стрекотали сороки.

Мы с командиром полка Хромозиным сидели на поваленной взрывом сосне, возле сгоревшего дома. Говорили о боевых делах: на рассвете полку предстояло атаковать сильно укрепленный рубеж противника.

Из зарослей молодого березняка вышел коренастый немолодой солдат со скуластым лицом. Слегка ссутулившись, как нередко бывает с высокими худощавыми людьми, он медленно шел через поляну. На его правом плече висел автомат, казавшийся маленьким, игрушечным. Подойдя к нам, солдат ловким движением поправил ремень на шинели, крепче прижал локтем автомат и тихим грудным голосом сказал:

— Рядовой Назаров... Разрешите обратиться, товарищ подполковник?

Взглянув на пожилого солдата, Хромозин ответил:

— Слушаю, Петрович. Что у тебя?

«Назаров... Назаров», — мучительно напрягал я память, пристально всматриваясь в солдата. Лицо его ка-

залось знакомым. «Где мы с ним встречались? Когда?..» Но вспомнить не мог.

Солдат немного помялся, указательным пальцем левой руки провел по серебриющимся усам и взволнованно проговорил:

— Товарищ подполковник... Давно мы с вами воюем, и еще, видно, немало придется бить фашиста. Хотя мне пятьдесят первый идет, но уверен, что еще принесу пользу Отечеству. Потому нельзя иначе! Товарищ подполковник, не откажите дать рекомендацию... В партию хочу вступить...

— Присядь, Петрович, — пригласил Хромозин солдата, кивнув на пенек, что торчал напротив сваленного дерева, где мы сидели. Назаров опустил на пень, помолчал.

— Значит, в партию хочешь? — спросил командир полка.

— Решил вступить...

— Ну а что пишет с Алтая семья? Как дома, жена как?.. — поинтересовался подполковник.

— Жива-здорова, работает за нас, мужиков. Скучает, пишет...

— А брат как?

— Брательник, Кирилл, воюет... Недавно весточку прислал. Только обидно, не знаю, на каком он фронте. Разве по полевой почте узнаешь?.. Ну да все равно. Важно, что бьет фашиста.

Угадывалось, что этот солдат пользуется уважением в полку и командир не раз беседовал с ним.

— А сам-то брату пишешь? — спросил Хромозин и, не дожидаясь ответа, взглянув на меня, продолжал: — Значит, решил, Назаров, коммунистом быть? Хорошее дело! Достоин быть в рядах партии...

Подполковник открыл полевую сумку, вынул из нее блокнот и, положив на колени планшет, стал писать.

— Недавно получил письмо от старухи, — между тем продолжал солдат, и на лице его затеплилась добрая улыбка. — Пишет: работают там все, в Сибири, не жалея сил. Снабжают, стало быть, фронт и оружием, и хлебом. Шлют и людей на подмогу... А Кирилл отличился в боях, получил орден Славы недавно.

Я всматривался в лицо пехотинца и все же никак не мог вспомнить, где мы встречались.

Подполковник написал рекомендацию и подал солдату. Тот быстро пробежал ее глазами, поблагодарил, аккуратно свернул вчетверо исписанный листок бумаги и бережно положил в карман гимнастерки.

— Разрешите идти, товарищ подполковник?

Командир полка вместо ответа крепко пожал ему руку. Назаров ловко вскинул руку к пилотке, повернулся кругом и зашагал по лесной тропинке.

И вот тут-то, глядя на удаляющуюся широкую спину воина с автоматом, на его бодрые размеренные шаги, я наконец вспомнил — словно искра вспыхнула в мозгу. В памяти всплыл бой за белорусское село Горовые, на подступах к Полоцку. Я будто вновь увидел горящий дом на окраине, клубы черного дыма, колодец с длинным журавлем. Возле дома, на суку старой ветлы, висела молодая женщина. Посиневшее лицо ее неестественно склонилось набок. На куске фанеры, привязанном к ее руке, выведено химическим карандашом: «Партизан».

Рядом стояла маленькая хрупкая девочка и, захлебываясь рыданиями, жалась головкой к босым ногам повешенной женщины. Она дрожала от страха и, еле держась на ногах, закрывала рукой бледное худое личико. Длинные русые косички сползали по тонкой, исхудавшей шее.

Пугливо озираясь, девочка быстро повернула голову и, увидев наших солдат-разведчиков, которые вели в штаб полка трех пленных, неожиданно ухватилась за холодные ноги матери.

— Ой, мамо, мамо! — тоненьким голоском выкрикнул ребенок...

Труп покачивался на веревке. Ветер теребил на плечах молодой женщины пышные пряди льняных волос. Пахло гарью, во рту было горько от дыма, смешавшегося с едкой пылью, стелящейся над разбитыми, сожженными домами. И холодил сердце жалобный детский плач:

— Ой, мамо, мамо...

А бой не утихал: на опушке леса грохотали разрывы снарядов, с диким воем проносились мины. Среди развалин разрушенного села не было видно ни одного жителя. Солдаты, кто очутился возле колодца, застыли, потрясенные этой картиной...

К девочке подошел высокого роста пехотинец в шинели с обгорелой полрой, бережно взял ребенка за плечи и отвел в сторону от матери. Девочка не хотела уходить, вырывалась, плакала. Но солдат сумел уговорить ее.

— Скорее уйдем отсюда... а то могут опять прийти фашисты...

Мертвую женщину сняли с дерева, развязали петлю. А солдат, заведя девочку за развалины сарая, вынул из кармана кусок трофейного шоколада и, подавая ребенку, сказал:

— На вот тебе, маленькая. Не плачь... Не бойся...

Увидев блестящую фольгу, девочка вскинула черные, полные слез глаза на небритое лицо солдата и боязливо отшатнулась.

— Не бойся, маленькая... То конфета, — с нежностью, так не вязавшейся с суровым обликом этого человека,

говорил солдат. — Конфета сладкая. Кушай... Еще дам, коли хочешь...

Девочка поднесла худенькую ручонку к лицу и, настороженно поглядывая из-за нее, присматривалась к солдату.

Всхлипывания постепенно стихли.

— Вы чьи? Наши?.. — неожиданно спросила она высокого пехотинца.

— Мы наши! Русские мы... Разве ты не видишь? Свои мы!.. — дрогнувшим голосом ответил солдат.

Ребенок неуверенно двинулся вперед и, остановившись перед пехотинцем, еле слышно спросил:

— В тебя немец стрелял, да?..

— Стрелять-то стрелял, но мы его бьем! За то, что он пришел на нашу землю и обижает маленьких ребят. Я не боюсь его, я сильный!

— Сильный. А это? — с сомнением произнесла девочка, показывая худенькой ручонкой на обгоревшую полу шинели.

Поразительная наблюдательность маленького человека ошеломила нас. словно взрослый, ребенок придирчиво добивался правды.

Обескураженный солдат не знал, что сказать. Молчал.

— А фашист сильный? Он всех стреляет, никого не жалеет... — продолжал ребенок. — И тебя стрелял?

Она подошла к пехотинцу и маленькими тоненькими пальчиками потрогала обгоревшее место шинели.

— Больно было, да?..

— Да нет! Это я сам, — весело ответил солдат. — Спал у костра, вот и обгорел малость! Это ничего. А как звать-то тебя?

Шершавой с узловатыми пальцами рукой солдат погладил девочку по голове.

— Ленка. — И немного помолчала... — Карепкина

Лена я, — девочка устремила на солдата черные, горящие как угольки глазенки.

— Лена? А я Петрович! Павел Петрович, — улыбнулся во все лицо пехотинец. — Ну вот и познакомились. Бери сласти-то, Лена...

Девочка робко взяла шоколад. Медленно положила кусочек в рот, раскусила его и начала быстро жевать. Солдаты молча наблюдали за ней. Высокий пехотинец в обгоревшей шинели нагнулся и, держа левой рукой на плече автомат, правой осторожно поднял девочку. Она покорно подчинилась и, прижавшись к груди солдата, кулачком вытирала заплаканные глаза.

Бойцы окружили их, вздыхали и качали головами, уносясь мыслями в родные края, к родным семьям.

— А папка твой где?

— На фронте. Тракторист он... А сейчас на танке. Фашистов бьет. А как они пришли сюда, письма мама перестала получать.

— Ну, теперь скоро получишь письмо.

— Ага, теперь да...

Она уже не плакала, на ее бледном лице появилась улыбка. Робкая, настороженная, но улыбка...

Пехотинцы тоже заулыбались, а высокий сутулый солдат быстро опустился на колено, поставил девочку на землю и снял со спины вещевой мешок. Развязав его, он достал галеты, сахар, банку консервов.

Заплаканное лицо девочки прояснилось, исчезла настороженность: Лена без опаски оглядывала окружавших ее людей в серых шинелях. Потом присела на корточки и стала складывать в подол платяница сахар, галеты... При этом она улыбалась милой детской улыбкой, которую давно не видели и по которой так соскучились солдаты.

В этот момент по улице шли двое раненых: они направлялись в медсанбат. Их остановили и поручили им

отвести девочку в тылы дивизии. Вечером на попутной машине ее отправили в ближайший город.

Высокий пожилой солдат, приласкавший ребенка, был Павел Назаров...

* * *

Прошло месяца два. Мы уже вели бои в Прибалтике. Однажды в осеннюю дождливую ночь перед штурмом латвийского городка Приекуле в землянку, где находился командир стрелкового полка, пришли два человека за получением партийных билетов. Молодой подтянутый сержант, взяв кандидатскую карточку, сразу ушел. Седоусый солдат Назаров, теперь уже ставший коммунистом, внимательно рассматривал партбилет, с волнением перелистывая страницы. Немного помолчав, он сказал:

— Разрешите, товарищ майор, оставить вам на хранение партийный документ? Я иду на задание, за передний край...

— Зачем же тогда, товарищ Назаров, ты ночью подвергал себя излишней опасности, полз сюда?.. Ведь партбилет можно получить и завтра, в более удобное время...

Подумав, Назаров смущенно улыбнулся и тихо ответил:

— Хотелось взглянуть на него перед заданием...

И тогда я понял, что этому человеку не нужно ничего говорить о высоком звании коммуниста, о долге перед партией... Пожав его большую шершавую руку, я сказал только:

— Будь таким, Павел Петрович, какой ты есть, каким был всегда...

— Спасибо, товарищ майор! Спасибо...— возбужденно проговорил он, бережно держа узловатыми пальцами небольшую красную книжечку.

Я знал, что отказ глубоко обидит заслуженного воина, поэтому с готовностью выполнил его просьбу.

— Давай, Петрович, я спрячу пока твой партийный билет. Положу его рядом со своим.

Медленно и, как мне показалось, нехотя расставался он с красной книжечкой, не сводил с нее глаз. Я взял у Назарова партбилет, положил во внутренний карман гимнастерки. Хрипловатым простуженным голосом солдат поблагодарил меня и направился к выходу...

Мне не хотелось отпускать этого человека, что-то властно требовало побыть с ним еще, поговорить. Я вышел из землянки проводить Назарова. Нас обступила густая сырая мгла. Мы зашагали по раскисшей лесной дороге.

— Давно воюешь? — спросил я его.

— Лет десять наберется, если сложить все... — и старый воин принялся рассказывать о боях и походах, в которых участвовал...

Он не только рассказал о себе, но поведал и о своих прародителях.

— Глубокий пустили корень в русскую землю Назаровы, — говорил солдат. — Род наш с матушки Волги идет... Назаровы всегда были пахарями да солдатами. Любовно охаживали свои «надельные» земли, а когда начиналась война, честно служили России. Отец — Петр Спиридонович — в японскую пролил кровь на сопках Маньчжурии. Брат его — Харитон — не вернулся тогда. Дед Спиридон воевал с турками, на Балканах. Прадеда тоже не минула война — защищал Севастополь... Рассказывают, что и более далекие мои предки тоже были солдатами. Почитай, полтора века Назаровы воюют с чужеземцами. И неплохо — приносили домой боевые награды...

— А как же ваша семья в Сибири очутилась? — спросил я, вспомнив заданный ему командиром полка вопрос о семье, проживающей на Алтае.

— Самарская губерния наша славилась безземельем. Трудно приходилось мужику... Земли — клочок, заработка — никакого, а семью кормить надобно. Незадолго перед русско-германской войной отец распродал немудреное наше хозяйство и перебрался с семьей на Алтай. Привольно там показалось: леса, степи, озера... Но вскоре началась война. Из Сибири и пошел я защищать от немца русскую веру, царя и отечество. — Он как-то озорно засмеялся, махнул рукой и продолжал: — Пустого было много тогда: вера и царь вскоре полетели к чертовой бабушке, а вот отечество наше — осталось. И сейчас его, народное отечество, пуще прежнего защищать надобно. Два брата нас — Кирилл и я, — и оба на фронте...

А на переднем крае шла обычная фронтовая ночь: поосеннему длинная, холодная, полная тревог, опасностей и, конечно, жертв... Высоко над лесом, обгоняя друг друга, метались лучи прожекторов; гигантскими мечами они полосовали ночное небо. Где-то ухнул тяжелый взрыв, в ответ невдалеке затарахтел пулемет и захлебнулся. Трассирующие пули блестящими нитями прошли лиловато-черную темень ночи. Затем все стихло, а через минуту снова грохнул разрыв. Вверху загудели наши самолеты, летевшие на запад.

Передний край жил, действовал...

В ту ночь коммунист Назаров ушел за линию фронта. Надо было достать «языка». Он вызвался сам на опасное дело. Командир батальона пытался отговорить его: мол, тебе уже на шестой десяток перевалило... Но Назаров настаивал на своем:

— Вы меня на всю жизнь обидите, — говорил он. — Ведь я теперь рядовой партии. Коммунист. Оправдать

надо это великое звание. Не могу я сегодня поступить иначе...

Вместе с Назаровым ушел любимец 353-го стрелкового полка, молодой отважный боец Вася Дубко. Два воина незаметно для врага пробрались через передний край, захватили немецкого сержанта и, скрутив фашисту ремнем руки, поволокли его на нашу сторону.

Казалось, что дерзкая операция была удачно закончена, разведчики были уже на своей территории, и вдруг посланная врагом вдогонку пуля оборвала жизнь коммуниста Назарова. Об этом, едва сдерживая скупые мужские слезы, рассказал вернувшийся с пленным второй разведчик, Вася Дубко.

Вечером в землянку политотдела из полка поступило донесение замполита о погибших в бою коммунистах и их партийные документы. В списке значился и Павел Петрович Назаров. С болью в сердце я вынул из кармана гимнастерки новенький партийный билет и долго смотрел на него. Не поднималась рука «погасить» его. Не хотелось верить, что этого замечательного солдата, большой души человека, уже не было в живых...

РУССКИЙ СОЛДАТ МАТВЕЙ ДОЛГУХИН

До КП командира дивизии, находившегося на небольшом косогоре, поросшем кустарником, я добрался с большим трудом. Кругом рвались снаряды, над головой дзинькали пули, с воем проносились мины. Бой не утихал третьи сутки подряд.

Подписав наградные листы на политсостав, генерал Черноус сказал мне:

— Понимаешь, противник все мосты уничтожил, а здесь кругом овраги. Тылы у нас отстали. Разущи, пожалуйста, медсанбат и проверь, все ли там в порядке. Как идет обработка и эвакуация раненых? Это очень важно. Как с медикаментами, машинами, питанием? Узнай, какие у них трудности. И немедленно сообщи мне. Я буду здесь примерно до восемнадцати.

Попрощавшись с генералом, я направился в тылы дивизии. Разуискать медсанбат оказалось не так просто: пришлось не раз спрашивать попадавшихся на пути бойцов.

В небольшой, скрытой низкорослым кустарником балке, которая, змеясь, уползала от фронта, меня догнал раненый в руку солдат. На вид ему было лет сорок. Высокий, с длинной жилистой шеей. На груди две медали: «За отвагу» и «За оборону Москвы». На правом, здоровом плече висел автомат, сбоку на ремне — два

диска с патронами и граната. Левая рука в крови, выше локтя перевязана носовым платком.

— Ранило? — спросил я солдата, убыстряя шаг.

— Царапнуло малость осколками гранаты, — поморщился он. — Однако, к морю подходим. Хорошо...

Воин был прав. За лето далеко продвинулась наша дивизия. Позади остались леса Белоруссии, хутора Литвы и Латвии. Мы подходили к границам Восточной Пруссии.

Нам оказалось по пути с солдатом. Вначале он все молчал. Не желая докучать раненому расспросами, не говорил и я. Наконец молчание надоело мне и, желая завязать разговор, я спросил:

— Из какого полка?

— Из ковнеровского хозяйства! — ответил солдат.

— Давно воюем?

— Три года минуло! А сколько еще впереди...

— Теперь уже недолго ждать. Война к концу идет. Конечно, не сегодня и не завтра кончится, но скоро...

— Неужто все это может кончиться?..

— Не только может, но и должно кончиться. И, повторяю, скоро. Ты газеты читаешь?

— А как же, читаю, когда удается.

— Ну, стало быть, сам знаешь: крах фашистской Германии неминуем... Фамилия-то твоя как?

— Долгухин я. Матвей Кириллович. Из Рязани...

— Ну, будем знакомы. А я — замнач политотдела Третьяков, Федор Андреевич.

— Да я знаю вас, товарищ майор.

— Давай-ка, товарищ Долгухин, я твой автомат понесу. Рука-то ранена, неудобно.

Он обрадовался, локтем правой руки ловко подбросил автомат, подал его мне. А потом сразу будто спохватился: лицо у него покраснело, на переносице-собрались морщинки. Заметно заволновался.

— Вы, наверное, думаете, вот какой беспечный. Сразу и отдал оружие. Но кабы не знал я вас, никогда бы не отдал.

— Да я и не думаю этого, не беспокоюсь.

Вскоре кустарник кончился. Впереди начинался густой лес.

— Как тебя ранило-то?..

Матвей задумался, даже помрачнел, глубокая складка прорезала его лоб. Я понял: не хотелось ему вспоминать про это. Но, помолчав немного, он начал:

— Видите ли, товарищ майор, не должно было быть этой раны... Наказал меня немец за оплошность. Ошибку допустил я при атаке...

Чувствуя себя виноватым, Долгухин не утаил ничего. Оказалось, вина его была в том, что, когда рота ворвалась во вражескую траншею, он погорячился. Устремившись вперед, забыл смотреть по сторонам. Рывками продвигался от рубежа к рубежу: выпустит очередь из автомата, упадет, потом снова стремительный бросок на несколько метров.

Сначала все шло гладко... Но вот в окопе остался раненый гитлеровец. Долгухин не обратил на него внимания, думая, что он мертв. Однако как только солдат миновал его, немец накатом по земле бросил вслед гранату. Она почти догнала Долгухина — он легко еще отделался: рана оказалась не опасной, небольшой осколок задел плечо.

Долгухин крепко ругал себя.

— Так мне и надо за мою беспечность... Маневр солдата прост, но умен: бей врага, а сам оставайся невредим. Забыл это — получай свое. Вот и получил, но сдачу, конечно, дал...

Лес стал заметно редеть. Прибитая к стоящей на опушке кряжистой сосне дощечка стрелкой показывала путь: «В медсанбат». Здесь недавно прошел бой: кругом

воронки, посеченные осколками дерева. Мы прошли еще немного и в зелени сосняка увидели палаточный городок: высокие кроны деревьев хорошо маскировали сверху парусину санитарных палаток.

* * *

Опасения командира дивизии были не напрасны. Медико-санитарный батальон не только порядочно отстал от передовых подразделений, но еще и уклонился влево от полосы наступления дивизии. Немало солдат, направляемых после ранения в тыл, попадали в соседние медсанбаты. Это было ненормально.

Медсанбат жил напряженной жизнью. Сюда подвозили и приводили раненых. Многие, кого только «царапнуло», как выражались пехотинцы, шли сами. Здесь делали все: начиная от простых перевязок и кончая сложными, не терпящими отлагательства операциями с ампутацией конечностей и вскрытием грудной клетки.

Врачи самоотверженно трудились, стремились спасти воинов, но бывали случаи, когда боец умирал на операционном столе.

Мне передали, что просит подойти раненый лейтенант Москалев. Я знал этого офицера: высокий, стройный красавец, с карими выразительными глазами, всегда энергичный, куда-то рвущийся. В боях он не раз показал себя героем, храбрым, волевым командиром. Рота коммуниста Москалева часто отмечалась в политдонесениях.

Рядом с большой брезентовой палаткой, где лежали тяжелораненые, мне встретился хирург. Маленький ростом, щупленький на вид, с воспаленными глазами и землистым от усталости лицом, врач выглядел болезненным.

Я спросил, что с Москалевым. Хирург беспомощно развел руками:

— Редкий случай за мою двадцатилетнюю практику. У него была закупорка вен, а теперь — тяжелое ранение. Медицина бессильна.

— Почему же его не лечили раньше?

— Скрывал, наверное, болезнь, вовремя не обращался к врачам.

— Неужели ничего нельзя сделать?

Невысокий доктор был опытным хирургом.

— К сожалению, ничего! Его ранило автоматной очередью; из пяти две пули попали в кровеносные сосуды. Стараемся хотя бы облегчить лейтенанту страдания... Только облегчить.

Москалев лежал на носилках в углу палатки. Чувствовалось, что он переносит тяжелые мучения: воспаленно блестели глаза, мертвенно-бледным и каким-то заострившимся было лицо, искусаны спекшиеся губы.

Я присел рядом на пустой ящик из-под мин.

— Здравствуйте, товарищ Москалев! Как вы себя сейчас чувствуете? — спросил я.

— Чувствую, скоро конец... — преодолевая боль, начал он. — И чего они не говорят, — кивнул лейтенант в сторону врачей. — Я все знаю... Ведь не пионеры мы, а солдаты. — Он дышал неровно, прерывисто, будто захлебываясь.

— Зря волнуетесь, все будет хорошо... Вы молодой, сильный, выдержите. Верьте в себя...

— У меня к вам просьба, — помолчав, проговорил лейтенант, пытаясь правой рукой открыть карман гимнастерки.

— Лежите, я достану. Что там такое?..

— Возьмите партбилет... Фотография жены и дочек в нем. Вышлите потом... Напишите, что воевал честно, помнил о них. А Елену всегда любил. Все десять лет, как поженились...

Я вынул партбилет из кармана его гимнастерки и раскрыл. Там лежала фотография. С карточки приветливо смотрела молодая привлекательная женщина. Правильные, тонкие черты лица, большие глаза, обрамленные длинными дугами бровей. Толстый жгут волос собран на голове короной. По обеим сторонам от женщины две девочки, почти одногодки, очень похожие на мать, с ясными веселыми глазенками.

— Да, очень интересная женщина у вас жена, и сердце, чувствуется, доброе, — проговорил я, желая отвлечь раненого от тяжелых дум.

— Доброе... Не то слово — золотое сердце у Елены. А сама она... — он нервно закашлял, ему было трудно дышать.

По бледной щеке лейтенанта поползла слеза.

— Вот отправят вас в госпиталь, там поправитесь. Потом дадут отпуск, и повидаетесь с семьей, — сказал я. — Спасибо, что показали фотографию. А партбилет брать не буду. Он вам, товарищ Москалев, еще пригодится.

— Нет, возьмите. Я буду спокоен, что он в надежных руках, — не сказал, а выдавил из себя раненый резким неестественным голосом. — И еще попрошу вас, запишите адрес. Я бы хотел, чтобы вы написали жене и дочкам. Очень прошу...

Я понял, что эту просьбу выполнить надо. Достал из кармана блокнот.

— Адрес запишу охотно. Глядишь, после войны придется и встретиться.

Лейтенант назвал город в Сибири, где находилась его семья, улицу, номер дома.

Я записал и поднялся с ящика.

— Извините. Мне надо на пару минут отлучиться! Я еще вернусь к вам. Хорошо?

Он, как показалось, с укором посмотрел на меня. Недовольный, повернул голову к парусине палатки.

Я вышел и направился к операционному отделению. Дверь была открыта. В нос ударил резкий больничный запах. В длинной вместительной палатке стояло два операционных стола. Над каждым сверху пришиты белые снежные простыни. Посреди высилась тренога с большой электролампой. Возле столов стояли маленькие столики с хирургическими инструментами, разные бутылочки, наполненные разноцветной жидкостью. У первого стола, в белом колпаке, с марлевой повязкой на лице работал хирург. Возле него стояла девушка — медсестра, улавливавшая только ей одной понятные знаки врача и подававшая ему все, что требовалось.

На столе лежал покрытый простыней человек. Он был очень высокого роста: босые ноги не умещались на досках и неестественно торчали, чуть не задевая стену палатки. Простыня — с большим отверстием посередине, сильно залитым по краям кровью. Хирург орудовал над этим отверстием каким-то замысловатым инструментом; медсестра бинтами вытирала кровь. Оперлируемый неподвижно лежал на столе, не проявляя признаков жизни.

На другом столе, чуть подальше от входа, лежал второй раненый. Этот вел себя беспокойно — стонал, выкрикивал что-то, кому-то грозил. Две медсестры осторожно бинтовали живот раненому: ему только что сделали «капитальный ремонт». На табурете сидел главный хирург, майор медицинской службы Клименко. За смелые искусные операции его в дивизии называли «Чудесный доктор». Бывало не раз: привезут в медсанбат человека со страшным ранением в голову или в грудь. Кажется, все кончено, а Клименко осмотрит раны, внимательно выслушает раненого и прикажет:

— Срочно к операции... Попробуем!

«Проба» иногда тянулась часами. А потом... месяца через три откуда-нибудь с Урала приходило письмо: раненый поправлялся. Так было не раз...

Сейчас, сидя на табурете, Клименко давал указания и следил, как «пеленали» воина. Когда перевязка была закончена, санитары положили его на носилки, чтобы погрузить на автомашину для отправки в тыловой госпиталь. Клименко вышел из палатки покурить. Я «насел» на него и стал просить сделать все для спасения Москалева.

Но, выслушав меня, он невозмутимо сказал:

— Он еще жив? Часа два назад смотрел его. Мы сделали все, но спасти невозможно. Лейтенант обречен...

И все-таки мне не верилось, что сильный, молодой человек должен умереть. Не верилось...

— Я прошу вас, посмотрите его еще раз! Может быть, за это время что-нибудь изменилось? Может, сильный организм...

Клименко улыбнулся. Теперь ясно обозначилась в глазах усталость. Трещины морщинок раскололи лицо. Нервно глотая дым папиросы, он нехотя шел за мной.

За эти несколько минут Москалев совсем сник: посинели губы, заметно помутнели глаза. Офицер находился в полузабытии.

Присев на корточки, Клименко осторожно прощупал раны на пояснице, проверил пульс. Лицо его стало будто каменным, он задумался, потом спросил:

— Ну как, лейтенант, боль теперь меньше беспокоит?

— При чем тут боль?.. Я все бы вытерпел, только бы жить...

— Мы все сделали. Теперь от вас, от организма зависит. Настройте себя, уверуйте, что выживите, и вы будете жить.

— Нет, доктор, не верю... Знаю — конец, — говорил слабым голосом раненый.

— Зря. Вы должны верить! — сказал хирург, наморщив лоб. — Солдату верить в себя надо, всегда и во всем...

Клименко, вырвавший из лап смерти сотни людей, сейчас, будучи бессильным помочь, обнадеживал обреченного человека, стараясь внушить ему волю к жизни...

* * *

В батальоне я пробыл часа два с половиной. Сделав все, что мне нужно было, я направился назад, на передовую. Решив сократить путь, пошел по другой дороге. Не успел углубиться в лес, как меня догнал Долгухин. Рука солдата была перевязана белоснежным бинтом и полусогнутой подвязана к шее. Сам он заметно приободрился, свежее стало лицо. «Умылся, наверное», — подумалось мне.

— Ну, как, Матвей Кириллович, помощь оказали тебе? — спросил я у него. — Быстро ты, однако...

— Подремонтировали. Даже перекусить успел...

Солдат довольно улыбался. Пока я справлялся с делами, выполняя задание комдива, Долгухину обработали рану, сделали перевязку.

— Рана не опасная. Правда, хирург сказал, что осколок малость кость задел. Дня три велел в команде выздоравливающих побыть...

— Ну и хорошо, пока рука подживет, отдохнешь.

Солдат будто ошетинился от этих слов. В глазах вспыхнул суровый огонек. Шаги стали энергичные, быстрые, а здоровая рука в такт им то высоко взлетала, то опускалась. Чувствовалось, Долгухин был хорошим строевиком...

— Легко сказать, отдохнешь. Товарищам-то там как? А я вроде как на курорте. Не дело это, не дело, — возбужденно проговорил пехотинец.

— Зря сокрушаешься, товарищ Долгухин! Совесть твоя чиста, дрался с врагом честно. Кровь пролил за Родину. Для пользы дела ведь задерживают в медсанбате...

— Так-то оно так, а все-таки в медсанбате мне негоже отсиживаться, — не унимался раненый. — Я провожу, однако, вас, товарищ майор... Опасно по лесу-то одному ходить. Фашиста ведь только выгнали отсюда.

— Ну, пойдем, если хочешь...

Мы шли через изуродованный войной лес. Изрядно заросшая травой тропинка вилась между молодых сосен, огибала участки березняка. На пути попадались окопы, разбитые ящики от боеприпасов. Попался целый штабель аккуратно сложенных немецких мин.

У высокой разлапистой сосны лежала мертвая лошадь. Чуть дальше из травы торчали ноги второй. А вот... солдат. Наш, советский. Подошли: грудь залита кровью, в руке, откинутой в сторону, автомат.

Долгухин склонился над убитым.

— Да ведь это ж из нашей роты! Востриков!..

Он осторожно вынул из рук убитого автомат, направил вверх ствол, нажал на курок. Раздался щелчок.

— Беда-то какая, а?! — сказал Долгухин. — Курок взведен, а патронник пуст. Может, из-за этого и погиб?..

Чуть подалее, в измятой окровавленной траве лежало два убитых гитлеровца. Было вполне правдоподобно, что здесь произошла схватка; в горячке боя Востриков забыл перезарядить автомат и погиб, хотя патронов у него было много — на ремне висел полный диск.

Долгухин отстегнул с ремня убитого заряженный диск и, зажав между ног автомат, вставил в него диск.

— Захоронить бы надо товарища, — забеспокоился он.

— Конечно надо. Вот что, возвращайся-ка в медсанбат и попроси от моего имени у командира двух солдат с лопатами и плащ-палатку. Захороните погибшего...

— Нет уж, разрешите я еще немного провожу вас, — решительно сказал Матвей, шагая рядом. Заряженный автомат висел у него на здоровом плече.

Впереди гремел бой. На передовую пролетело десятка три краснозвездных самолетов. За невысокой горой «сыграли» «катюши», и огненные хвосты ракет прошумели над головой. Где-то впереди, словно захлебываясь, длинными очередями стучали станковые пулеметы. Грохот боя то нарастал, то затихал, удаляясь. На полянах тени деревьев стали длинноногие, тонкие. Солнце опускалось за лес, из-за горы потянуло прохладой.

Вдруг Долгухин метнулся в сторону и, упав за деревом, прицелился из автомата. Я машинально присел за куст, выхватил из кобуры пистолет. «Напоролись на засаду», — подумалось.

Не успел я разобраться в чем дело, как совсем близко впереди протарахтел автомат. Я видел, как пули сорвали кору на молодой сосенке, и ствол дерева в этом месте побелел. На мою голову упала большая ветка, срезанная свинцом. Было ясно: стреляют по нас, но откуда? Припав к земле, я отстегнул от ремня гранату и быстро вынул чеку. Приготовился...

Сомнения не было — напоролись на гитлеровцев; поблизости своих никого, медсанбат остался далеко позади, а до подразделений переднего края еще не добрались. Наверное, зашли на стык и очутились в расположении врага...

Но сколько я ни всматривался в зеленеющий впереди кустарник, ничего не замечал. Не видно было и Долгухина. Пришлось осторожно отползти в сторону, чтобы из-за более ветвистого куста получше осмотреться. Но неподалеку снова раздалась автоматная очередь. Пули с визгом впились рядом в сосну. И в тот же момент на какой-то миг показалась широкая спина Матвея Дол-

гухина: солдат быстро приподнялся, сделал рывок и упал на землю. Раздался оглушительный взрыв... Громкое эхо в лесу заглушило трескотню пулеметов, что бесновались где-то за высотой.

Держа наготове гранату, я приподнялся в кустарнике и... совсем близко увидел врага. Немец сидел метрах в семи возле молодой кудрявой сосенки и, поднимая над головой автомат, что-то лопотал по-своему. Вид у него был неважный — какой-то обшарпанный, помятый. Щека и плечо залиты кровью. Неестественно блестели большие глаза.

Из-за сосны Долгухин замахал вражескому солдату рукой, делая ему какие-то знаки.

— Бросай! Бросай, говорю!..

Видимо поняв, чего от него хотят, гитлеровец швырнул в траву автомат и, подняв одну руку, замер в жалкой позе; левая рука у него беспомощно висела вдоль тела. Сейчас он походил на истукана, а взгляд был тревожный, просящий...

В несколько прыжков Матвей очутился возле немца, быстро поднял с земли его автомат. Затем обошел вокруг солдата и остановился перед ним. Тот, показывая куда-то в сторону, отрицательно мотал головой. Наконец сказал:

— Мой — найн, найн...

— Чего мелешь? Не смыслю я по-вашему, — проговорил Долгухин.

— Гитлер капут... Мой — найн... найн, — заладил свое немец, показывая в сторону.

— Слыхали этот «капут» не раз... Вот в сорок первом бы «закапутили», тогда другое дело, — прервал его Долгухин. — Пристрелить бы тебя надо. Наверняка и ты в нас стрелял, да ведь поранен. Лежачих не бьют.

Долгухин достал из кармана индивидуальный пакет и стал делать перевязку пленному.

Между сосен показались наши санитары: молоденький, розовощекий младший сержант и два солдата. Они обходили недавнее поле боя, проверяя, нет ли раненых.

Приказав младшему сержанту отконвоировать пленного в штаб, расположенный неподалеку от нашего артполка, я направился дальше к переднему краю.

— Товарищ майор, — взволнованно заговорил Долгухин, догоняя меня. — Вы уж извините... Не могу я вернуться в медсанбат...

Он как-то изменился за эти несколько минут: стал порывист, резок. Лицо — суровое, глаза блестят, брови ершатся. Я не знал, что ответить.

— А ежели обнаружится, — продолжал он, — что иду с чужим автоматом, вы уж подтвердите, пожалуйста. Свой-то я в медсанбате сдал. Пойду на передовую! — уверенно заявил Долгухин. — И одной рукой можно бить врага...

Он поднял правую руку с заряженным автоматом, покачал ею над головой и как-то торжественно проговорил:

— Мы еще дадим прикурить фашисту! Обязательно дадим...

Солдат был чересчур возбужден. И в то же время даже в одностороннем чувствовалась огромная воля, непоколебимая уверенность.

— Понимаете, не могу я... Этот Востриков словно в упор смотрит на меня. Будто хочет сказать: «Я лежу, а ты по тылам бродишь?» А тот раненый немец. Может, он и убил Вострикова-то, а я перевязку делал ему...

Он остановился и, посмотрев назад, продолжал:

— Не могу я иначе, товарищ майор! Вы уж не ругайте меня. А что с автоматом неувязка получилась, так ведь все равно, мой-то в нашей дивизии остался. И но-

мер его помню... Заметный он — 370027, тульский, 1942 года...

Я знал, солдата не остановишь. Долгухин положительно мне нравился той внутренней, доброй силой, которая жила в нем. Им нельзя было не гордиться...

— Не беспокойся, Матвей Кириллович! Ты автомат свой донес до медсанбата. Сделал по-солдатски. Тебя упрекнуть не в чем. И с немцем поступил правильно. И то, что в бой рвешься, — тоже хорошо. Молодец!

— Спасибо! Спасибо... — взволнованно проговорил пехотинец, сияя от радости.

Он снова на глазах преобразился: сразу стал собранным, подтянутым. Твердо ставя на землю ноги, русский солдат Матвей Долгухин уверенным шагом приближался к переднему краю.

НОВОГОДНИЙ ПОДАРОК

В трубке захрипело, и старшина роты Лукьянов едва расслышал знакомый голос телефониста батальона: — Лукьянов! Лукьянов... Маслов говорит. Слушай, «третий» приглашает тебя на новогодний вечер... Понимаешь, на тост?..

— Какой тост? — крикнул озадаченный старшина.

— Майор приглашает храбрецов нашего хозяйства, — раздался голос в трубке. — Понимаешь, награды будут давать! Значит, и новогодняя чарка предвидится. Так что в двадцать три тридцать, без опоздания... А от меня привет тебе, Петр Михайлович. С наступающим Новым годом вас!

Старшина побрился, подшил чистый подворотничок. Вечером надраил сапоги до блеска...

Едва Лукьянов переступил порог землянки, как в носу защекотало: запахло чем-то вкусным. «Ужин, тост, песня... — пронеслось в голове. — Хорошо, а то совсем огрубели...»

Лукьянов огляделся. Два светильника из сплюснутых сверху артиллерийских гильз тускло освещали бревенчатые стены. Потом посмотрел на дощатый, наскоро сколоченный стол, на веселые лица фронтовых товарищей, стоявших по углам. Как-то необычно, по-праздничному забились сердце, вспомнился дом, родные, и неказистая землянка показалась светлее, уютнее.

В гости к майору Сергею Сорокину пришли лучшие воины батальона. Всех их старшина Лукьянов знал. Поздоровался со снайпером Василием Зониным и подумал: «Такому можно позавидовать. На боевом счету у него 43 уничтоженных фашиста».

К старшине подошел высокий худощавый ефрейтор, снайпер Ястребов.

— Здравствуй, Петр Михайлович, — сказал он.

Подавая руку, Лукьянов почувствовал крепкое, долгое пожатие. «У такого винтовка не дрогнет в руках. Недаром мастером точной наводки зовется».

Щупленького невысокого солдата разведчика Акима Понкратова старшина знал лучше других и поэтому вместо «здравствуй» просто по-дружески хлопнул его по плечу. А вот в землянку, отряхиваясь от снега, вошла Маша Казанцева. Веселая краснощекая девушка. Это она под огнем врага выносит с поля боя десятки раненых: три награды имеет...

Стрелка часов приближалась к двенадцати. Майор Сорокин посмотрел на часы и, поглаживая начавшие заметно серебриться виски, задумался. Складки морщин собрались на его широком покато лбу. Командир батальона знал: пришли к нему далеко не все, кого хотелось видеть сегодня. Один вел наблюдение за передним краем, другой готовился к ночному поиску на рассвете, третий находился в медсанбате.

Скрипнула дверь. В землянку вошел среднего роста худощавый офицер лет тридцати пяти. На плечах нового полшубка погон не было, но его узнали сразу. Взгляд серых глаз сосредоточенный, изучающий, а в самых уголках — веселые огоньки.

Это был начальник политического отдела дивизии бывший секретарь Тульского обкома партии Михаил Филиппович Жидков. Он прибыл в дивизию осенью и, бу-

М. Ф. Жидков

дучи общительным по натуре, быстро завоевал авторитет среди офицеров и солдат.

Начподив был необычайно живым, энергичным человеком: будто в нем находился неиссякаемый источник бодрости. Он успевал перед боем побывать в стрелковых батальонах, у артиллеристов и тыловиков. С солдатами держался просто. Обо всем расспросит, все разузнает: как питание, хватает ли патронов и табаку, часто ли носят почтальоны письма. А потом и сам расскажет о междуна-

родной обстановке, о делах на нашем фронте, о задачах, которые решает часть. Солдаты любили Михаила Филипповича и всегда радовались его приходу.

Войдя в землянку, Жидков оглядел собравшихся пытливым взглядом и, улыбаясь, сказал:

— Здравствуйте, товарищи! С наступающим Новым годом! Не опоздал?..

— Прибыли вовремя, товарищ подполковник. Осталось несколько минут, — весело ответил Сорокин, радуясь и одновременно гордясь тем, что начальник политотдела пришел сегодня именно к нему.

— Товарищи... — с заметным волнением заговорил командир батальона, — до Нового года пять минут! Про-

ішу к столу. Рассаживайтесь... Наливайте, как говорят, что бог послал...

Когда гости сели за стол, майор обратился к Жидкову:

— Товарищ подполковник, слово за вами...

— Ты хозяин, действуй! — ответил тот.

— Да нет, субординация не позволяет, — улыбнулся Сорокин. — Прошу...

— Ну, если так... — Жидков поднялся, посмотрел на всех. — Боевые друзья!.. — тепло сказал он. — Тернист, но славен наш путь. Много километров прошла дивизия по суровым дорогам войны. Шла в метель, в грязь, и в дождь, через реки и поля, через горы и болота. Много крови и пота пролито. Но жертвы не пропали даром, и труд затрачен не зря. Мы идем к победе, верим в нее. Она уже близко!..

Подполковник вспомнил героев полка и батальона...

— Так уж повелось у нас — отмечать этот день. Вот и мы встречаем его на переднем крае, под носом у врага. Пусть этот год принесет желанную победу, которую ждет мир! С праздником вас, дорогие друзья! Поздравляю с новым, тысяча девятьсот сорок пятым годом! — закончил Жидков.

Михаил Филиппович вынул из потертого, висевшего на ремешке через плечо планшета отпечатанный на машинке лист бумаги и зачитал:

— «За образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками награждаются... — он посмотрел на комбата, — майор Сорокин, Сергей Васильевич — орденом Красного Знамени...»

Это было новогодним сюрпризом для командира батальона. Радостный, он подошел к Жидкову, и тот вручил ему четвертую боевую награду.

— Лейтенант Бобрик! Получай награду и ты. Бей врага так же, как в последней рукопашной схватке, когда уничтожил пятерых фашистов...

Под бурные аплодисменты подполковник вручил лейтенанту орден Александра Невского.

— Ну, а это тебе, образцовый хозяйственник Лукьянов. — Жидков подошел к старшине и прикрепил ему к гимнастерке орден Отечественной войны II степени.

Награды получили и другие.

Когда с официальной частью было покончено, Сорокин, подняв кружку, сказал:

— Товарищи...

Но в это время дверь приоткрылась, в нее просунули небольшую зеленую елку.

— Смотри, и украшения. Все честь по чести... — тихо сказал Зонин сидевшему рядом ефрейтору Ястребову. — Словно в клубе на вечере. Вот здорово...

На макушке елки блестела звездочка, вырезанная из консервной банки. По бокам висели металлические пулеметные ленты и обоймы с патронами; в хвое прятались, привязанные к сучьям, пачки галет и несколько гранат. Внизу, где сучья были потолще, белели две алюминиевые фляги.

В землянке зазвучал смех. Седоусый ефрейтор Прохор Корюшкин поставил елку на стол среди кружек и котелков.

Сорокин подошел к Корюшкину.

— Спасибо, Егорыч, за елку... Напомнил Сибирь, семью. Садись за стол с нами вместе.

В землянке стало шумно; все оживленно разговаривали... И вдруг грохнуло. Тускло замигал огонек коптилки. Содрогнулись накаты бревен, на стол с потолка посыпалась земля... Глухим эхом отозвался в лесу второй взрыв, третий... Лицо майора посуровело, под глазами снова собрались морщинки.

Он встал из-за стола, быстро закрутил ручку телефона.

— «Восьмой!» «Восьмой»... Это ты, Митя? Слушай. Раз сам не пришел, будь другом! Дай ответный в честь Нового года... А то гитлеровцы все дело портят. Понимаешь, мы собрались тут, люди награды получили, а они мешают нам. Новый год, черти, портят. Прочучи их!..

В трубке кто-то свистнул. Потом донесся дружный смех. И все услышали громкий голос:

— Ну что ж, артиллерия пехоту поддержит! Фашиста пугнем. Даю три залпа. Но ты, Сергей, не обижайся, что не пришел. Был у «хозяина», задержался... А теперь поздно: до тебя не близко. Ну, с Новым годом тебя!

Через несколько минут где-то вдалеке прогрехотало. Затем орудия ухнули еще и еще...

За столом громко говорили, смеялись.

— Давайте споем, товарищи! — предложил Жидков.

Гости заулыбались: всем по душе пришлось предложение. Начальник политотдела взмахнул над столом руками, словно дирижер, и в сырой закоптелой землянке полилась песня. Сначала негромко, нестройно, она, как птица, поднималась все выше и выше.

Парня встретила сла-а-авная
Фронта-а-а семья...

Пели все: подполковник Жидков из Тулы, москвич майор Сорокин, сибирячка Маша, дальневосточник старшина Лукьянов, украинец лейтенант Бобрик. Пели от души, от всего сердца.

Но знакомую улицу позабыть он не мог...

Едва эта песня замолкла, кто-то затянул «Синий платочек».

Заиграла двухрядка, и знатный пулеметчик полка Вася Горнук выскочил на середину землянки. Все расступились, а в это время в облаке пара в дверях показался сержант Пронин. Под заиндепевшими длинными бровями озорно поблескивали серые глаза. Лицо сияло. Гости настожились.

— Товарищ майор, разрешите доложить? — обратился сержант к командиру батальона.

Комбат выжидающе посмотрел на Жидкова, словно извиняясь за сержанта, не попросившего разрешения у старшего в звании. Но подполковник кивнул головой: пусть говорит.

— Что у тебя? — нахмурился Сорокин и подумал: «Не мог в другое время».

— Новогодний подарок привели, — улыбаясь, доложил сержант Пронин.

— Как это «привели»?..

— Виноват. Двух немцев... Один, наверное, офицер. Вот его сумка с документами и карта. А второй так себе, какой-то плюгавенький, заморыш...

Сорокин насупился: не понравилось, что без его ведома на участке батальона разведчики ходили в расположение противника. Но, развернув карту немецкой обороны, захваченную у врага, не мог скрыть радости: перед наступлением это действительно самый ценный подарок.

— Где вы их накрыли?..

— Подобрались к штабной землянке. Часового сняли без шума. Офицер спал, — все еще продолжая широко улыбаться, рассказывал сержант. — Обезоружили, в общем. Скрутили руки, кляп в рот из его же носового платка соорудили. Смотрим, в углу землянки небольшой фанерный ящик полон шоколада. Марка не немецкая, видно, украдено где-то в Европе. Сунули платок в рот и бывшему часовому. Дали ящик: «Тщи, черт!» — писто-

летом пригрозили. Немец закивал головой, взял ящик под мышку и потащил; вроде даже доволен, что в плен попал.

— А офицер?

— Злой. Как сова, тарачит большие глаза... Яростно поглядывает на солдата с ящиком: плохим часовым оказался тот.

— За новогодний подарок спасибо, а своевольничание мне не нравится, — строго сказал Сорокин. — Без разрешения ходили за передний край... Ну да ладно, ради Нового года... — уже примирительно проговорил он. — А где пленные?

— Неподалеку, в траншее. И ящик там... Немцы еле живы: не поймешь, от мороза или от страха.

— Скорее от того и другого...

В углу затрещал телефон. Лейтенант Бобрик взял трубку.

— Да, здесь... Товарищ подполковник, — обратился он к Жидкову, — вас просят.

— Я вас слушаю... Понятно, хорошо, сейчас буду... — сказал Жидков и, положив трубку на желтый кожаный ящик, повернулся к присутствующим.

— Прошу извинить, товарищи. Должен вас покинуть. Комдив вернулся от командующего и просит меня срочно приехать... — Набросив на плечи полушубок, Жидков вышел из землянки.

Морозный ветер ударил в лицо. С востока шел новый, 1945 год...

ДЗИНТАРИ

Ночью в землянку командира дивизии вошел промокший, заляпанный грязью сержант. Увидя его, генерал Черноус заволновался: «Из полка Хромозина», — сразу понял он. Для волнения была причина — более полусуток нет связи: полк дрался почти в окружении.

Генерал не ошибся: на небольшом листке бумаги подполковник Хромозин писал: «Противник упорно атакует. Несу потери. Боеприпасы на исходе...»

Донесение было тревожное. Прочитав его, Черноус задумался. Глубже стали морщины на его лице, и без того усталое, оно еще больше осунулось. Он сидел на табурете, с силой вытягивал ногу и, замирая, закрывал от боли глаза — радикулит мучил. Надо бы два-три дня подлечиться в медсанбате, но генерал не мог уйти с КП — шли тяжелые бои.

Дзинтари — небольшое, сожженное фашистами латвийское селение, встало преградой на пути дивизии. «Ведь первая линия обороны прорвана... Почему же Дзинтари?.. Что там?..» — эта мысль не выходила из головы.

Отпустив сержанта, Черноус склонился над потрепанной, исчерченной цветными линиями оперативной картой. Комдив думал. Он пытался по очертанию переднего края представить себе сторону противника. Карта «рассказывала» многое: о всех высотках, складках местно-

сти. Но сейчас его больше всего интересовал небольшой квадрат лесного массива. За этим лесом маленьким пятном чернели Дзинтари. За ним Мазнелеки. Перед населенными пунктами бугрились холмы, покрытые молодым сосняком, над ними поднималась высотка с отметкой 47,5.

«Что там? Почему так упорно держится противник?» Это оставалось загадкой: волновало, тревожило, выводило из равновесия...

Из доклада офицера оперативного отделения штаба дивизии — он вернулся от Хромозина поздно вечером — Черноусу известно: в долине, где засел полк, было сыро; по утрам ее заволакивал густой сизый туман. Длинная, метров в двести шириной, горловина была единственным, что связывало полк с подразделениями. Пробраться в полк днем было невозможно — с обеих сторон фашисты стреляли почти в упор. Только ночью, и то рискуя жизнью, можно было проползти в подразделения, прижимаясь к раскисшей, холодной земле: противник то строчил из пулеметов, то пускал осветительные ракеты.

Черноус долго смотрел на карту... Участок, занимаемый полком, походил на длинный язык. С трех сторон нависал противник. На самом «бойком» месте, куда больше падало снарядов и мин, в неширокой заболоченной низинке, находился батальон капитана Левенцова.

«Трудно. Очень трудно сейчас Хромозину, — думал генерал. — Надо помочь, но как? Чем?..» Он снова пристально вглядывался в карту, а мысли назойливо лезли в голову. Вот уже целых два дня как жизнь словно замерла в полку Хромозина. Враг зорко следил за низиной: стоило чуть приподняться в окопе или неосторожно проползти нашему солдату, как на него обрушивался дождь пуль, а то и осколков мин.

Особенно полку досаждала высота 47,5. Было ясно, что она имела важное значение в системе обороны врага. Противник укрепил ее и окружил минными полями, колючей проволокой, траншеями.

Изучив карту, Черноус встал с табурета, опираясь на палку, вышел из землянки и сразу попал в оглушительный хаос звуков. Близо шел бой.

В голове Черноуса шумело, нестерпимо пыла бо́льшая нога. Хотелось на мгновение забыться, уйти куда-то от кошмара войны. Но... война продолжалась, она требовала энергии, силы воли. И видневшиеся впереди траншеи, и ниточки цветного кабеля полевых телефонов, идущие от частей, и длинные хвосты ракет — все возвращало к войне.

Под накатами бревен землянки грохот боя слышался как-то отдаленно, приглушенно, а тут казался совсем рядом. Пахло весной. Легкий ветерок доносил смолистый запах сосны. Генерал протянул руку к ветке кустарника, что свисала над ходом сообщения, и нащупал набухшие почки. «Весна!» — сказал Павел Васильевич. И поморщился, вспомнив, что март расквасил дороги, снег сделался рыхлым, липучим. Ходить стало опасно — вода заливала прошлогодние окопы и воронки, превратив их в «ловушки».

Холодный сырой воздух освежил. Генерал дышал полной грудью, исчезала усталость. На свежем воздухе лучше думалось.

«Ясно одно: прежде чем взять Дзинтари, надо покончить с высотой 47,5. Да, только так...»

— Вызывай «восьмерку»! Чуба к телефону... — приказал Черноус телефонисту, разместившемуся в небольшом блиндаже у входа в землянку.

Телефонист вызвал 148-й полк, подал генералу трубку.

— Кто говорит?.. Я «третий». Что у тебя сейчас делается?..

Командир полка докладывал, а Черноус все больше мрачнел. На широком загорелом лбу у переносицы глубже обозначились две бороздки. Недовольный огонек вспыхнул в глазах.

— Понимаешь, два дня топчешься на месте: гвардейцев подводишь. Целый... — Черноус запнулся, не желая сказать открыто «целый корпус», — в общем, подводишь...

Майор попытался оправдываться, но Черноус перебил его:

— Рано выдохся! Рано...

Он положил на столик трубку и, прихрамывая, стал прохаживаться по ходу сообщения. Среднего роста, коренастый, родом из донских казаков, Павел Васильевич был кадровый военный: начал службу солдатом. В дивизии знали: он был крутоват, иногда даже горяч, но это не мешало ему пользоваться уважением солдат и офицеров. Он любил армию, знал дело. «Черноус раскусит любой орешек. Его не проведешь: сам прошел все армейские ступени», — говорили нередко подчиненные.

Вот и сейчас ему хотелось отчитать майора Чуба, но

П. В. Черноус

он сдерживал себя, понимая, что прежний командир полка Ковнеров, выбывший по ранению, был опытнее. Дмитрий Чуб в дивизии недавно, боевого опыта командования полком недостаточно. Значит, надо помогать...

Черноус чувствовал: сейчас наступил такой момент. У командира дивизии зрел план овладения Дзинтари, но сначала он хотел разобраться в обстановке на месте: требовалось кое-что уточнить. Он был уверен, что полк Чуба может наступать.

— Машину! — приказал генерал адъютанту. — Только пусть водитель сюда не лезет, а встанет в балочке... Там и проскочим...

«Виллис» полз медленно. Шофер боялся свалиться в окоп или воронку, залитые водой. Местность была изрыта окопами, перепахана снарядами. На пути валялись пустые ящики, снарядные гильзы, неиспользованные немецкие мины. Стоило внимательно присмотреться — поле было полно жизни: в блиндажах, окопах и укрытиях сидели солдаты. Иногда вдали раздавался орудийный выстрел, беспорядочную стрельбу вели пулеметы. Рой трассирующих пуль чертил в воздухе огневые полосы. Вот яркие хвосты ракет, словно огромные мечи, разрезали черноту ночи. На несколько секунд далеко вокруг осветилось поле.

— Глуши мотор! — сказал Черноус шоферу.

Командир дивизии вышел из машины. Рядом из темноты показались два солдата с автоматами. Солдаты невысокого роста, а каски на головах большие, от этого автоматчики казались еще меньше. Плащ-накидки торпачились. Один нес на спине термос, другой — чем-то наполненный мешок.

— Какого полка? — спросил Черноус.

— Сто сорок восьмого, товарищ генерал! — ответил пехотинец с термосом, узнав командира дивизии.

— Чего ночью бродите?..

— В тылы ходили за ужином и завтраком.

— Где же ваш командир полка?

— Недалеко, вон у той горки, — солдат показал рукой в темноту. — Недавно был в нашем батальоне. Ругался, что плохо продвигаемся, — продолжал автоматчик.

— И хотелось бы вперед, да не пускает немец. Укрепился на холмах-то, — добавил тот, что был с мешком на плече.

Услышав разговор, кругом зашевелились, тихо заговорили солдаты. Черноус подошел к окопу, что был рядом, спустился в ход сообщения.

— Ну как дела, товарищи? — спросил.

— Сковал нас немец, держит... — раздался из темноты голос.

— А настроение как? — продолжал генерал.

— Настроение бодрое. Не усидеть фашисту на холмах...

Ответ понравился Черноусу. Он подошел к пулеметной ячейке, встал на приступку, посмотрел вперед. Окоп был отрыт по всем правилам: аккуратный, в полный рост, имел две ступеньки — стреляя, можно приподниматься. Справа, под рукой, в стенке, — углубление для боеприпасов. Генерал вынул из кармана электрический фонарик, присел и внимательно осмотрел окоп.

— Вы чьи? Истребительно-противотанкового дивизиона? — спросил.

— Так точно, товарищ генерал, — ответил сержант.

— А где стоят орудия батареи?

— Наша вся тут. Мы оседлали дорогу... — Сержант показал влево. — Дорога вот, рядом.

Расторопный, подтянутый воин пришелся по душе командиру дивизии.

— Ты откуда сам? — любопытствовал Черноус.

— С Донбасса мы. Почитай, полбатареи земляков наберется.

— Шахтеры, значит?

— Да, горловские.

— Сразу видно! Умеете вгрызаться в землю... Это хорошо! Молодцы...

Солдаты улыбались.

— Ну а боеприпасы, кормят как?

— Снарядов и патронов у нас хватает. Харч вроде ничего.

— Ишь ты — «ничего»! — перебил сержант. — Так, как нас кормят, жить вполне можно. А как сейчас живут в тылу, знаешь?

Командир дивизии был доволен. «Настоящие солдаты», — думал он, прохаживаясь по окопу. Знал: нелегко им сейчас, но верил: с холмов этих, что стоят на пути дивизии, они выбьют врага.

К передовой, заметно прихрамывая, генерал пошел пешком.

— А я раньше думал, что начальству легко на войне. Оно окопы не роет, больше на машинах разъезжает, — проговорил вдогонку пехотинец, что нес на спине термос.

— Дура ты, однако! — ответил солдат в плащ-накидке. — На войне всем тяжело: и солдату и генералу. Ты за свой автомат в ответе, а он за всю дивизию. Сколько нас, небось тысячи? И за каждого с него спрос...

— Зря ты, браток, завидуешь начальникам, которые с нами на переднем крае, — поддержал пехотинца артиллерист у противотанковой пушки. — У них, брат, служба очень беспокойная. Вот возьми, к примеру, нашего командира дивизии. Ты забрался в окоп и сиди, а он, видишь, лазает по передовой ночью.

— Чего пристали? Это я раньше так думал...

— Ну а теперь?

— Вижу, всем достается.

— Давно бы так...

За многолетнюю армейскую службу генерал Черноус хорошо усвоил, какое благотворное влияние оказывает на солдат присутствие в трудную минуту рядом старших командиров и политработников. Побеседовать с воинами в траншее, вместе покурить, посоветоваться, как лучше действовать в предстоящем бою. Это вселяло уверенность в выполнении боевой задачи. Так было и в эти дни. Черноус часто бывал в полках.

Генерал появился на НП полка неожиданно. Немного растерянный, майор Чуб доложил обстановку:

— Впереди дзоты, три ряда колючей проволоки. Весь косогор устлан минами.

Слова командира полка насторожили Черноуса: зря он обижался на Чуба, видно, вражеский рубеж запросто не возьмешь.

— Какие у вас батальоны в голове полка? — спросил генерал.

— Дергачева и Юдина.

Черноус знал, что это были опытные, храбрые командиры. «Хорошо», — подумал он, а сам спросил:

— Как личный состав? Некомплект большой?

— Процентом на пятьдесят.

«Много, много выбыло из строя, — думалось Черноусу, — но Дзинтари надо брать...»

И мысли, которые он вынашивал, которые зрели у него в голове уже много часов, все больше вырастали в определенную схему, в реальный план, в дерзкий замысел: провести врага на традиционной вере в шаблон, на его приверженности к канонам,

— А Владимирский далеко отсюда? — спросил Черноус о соседнем полку.

— С полкилометра, не больше. Недавно был от него офицер. Насчет стыка беспокоился.

— Это хорошо, если беспокоится... — А думал о другом: «Дзинтари надо брать, и как можно быстрее...»

— Вызывайте сюда командиров частей, — приказал генерал начальнику связи полка. — Сбор на час ноль-ноль. А мы с вами, — он посмотрел на майора Чуба, — пройдем по переднему краю...

Командир дивизии обходил позиции полка. В одном батальоне встретились только что вернувшиеся со стороны противника разведчики. Генерал придирчиво расспрашивал их. Данные разведки сопоставил с вчерашними показаниями пленных. Все подтверждало, что немцы сильно укрепили высоты.

Внимание привлекла такая деталь: двое последних суток основное усилие стрелковые батальоны направляют на то, чтобы расширить горловину и ликвидировать опасность полного окружения полка Хромозина. Противник это знал и, в свою очередь, принимал контрмеры. Каждый раз, когда подразделения пытались наступать, фашисты быстро выдвигали заслоны по обеим сторонам «коридора» и срывали наступление.

Черноус решил схитрить: навалиться на врага в другом месте, оглушить его там, где он меньше всего ждет этого. Всей мощью огня ослепить, ударить с обеих сторон горловины, где у врага меньше сил. Генерал поговорил с командующим артиллерией дивизии — приказал подтянуть артиллерийский полк, перебазировать минометные батареи. Отдал приказание выдвинуть находящиеся в резерве стрелковый батальон и роту автоматчиков. Выезжая со своего КП, Черноус созвонился с командиром дивизиона гвардейских минометов, который

поддерживал дивизию. Пригласил к себе командира приданного танкового полка.

— Всем работать на Хромозина. Всем. Таково мое решение.

* * *

Офицеры собрались на командном пункте 148-го стрелкового полка.

— Топчемся у холмов двое суток, — начал Черноус, оглядывая командиров частей. — Засели перед этими Дзинтари. Полк Хромозина в «мешке», помогаем ему плохо. Немец тоже выдохся. Стукни его как следует — и побежит. Но стукнуть надо умеючи, толково.

Генерал развернул карту, посмотрел на часы.

— Сверьте время. На моих — час ноль пять. Пока вы собирались, мы с начальником штаба и начальником политотдела обсудили некоторые вопросы. Наша ошибка в том, что пытаемся срезать клинья, нависшие над флангами триста пятьдесят третьего полка. Это шаблон, штамп... Противник знает: будем пытаться расширять горловину в тех местах, где она узкая, где больше угрозы полку. Эти места враг и укрепляет, подбрасывает туда пехоту, танки и противотанковые средства.

Черноус то и дело трогал седоватые, словно припудренные виски. Офицеры знали: генерал нервничал.

— Надо изменить тактику. Ввести в заблуждение противника, чтобы не разгадал нашего замысла, не понял, куда наносим удар. В три часа одним батальоном товарищ Чуб наступает там же, где и вчера. Немцы кое-что еще подтянут к горловине, а мы в это время ударим, но не по клиньям, как раньше, а будем вгрызаться в оборону в других местах — подальше от горловины. Прорыв надо осуществить сразу в двух местах: там, где немцы

не ожидают этого. Тем самым мы развяжем руки Хромозину: он пойдет вперед, не будет думать о своих флангах. Удар поддержат танковый полк и дивизион гвардейских минометов. Обещали помочь и авиацией. Приказываю, в три пятнадцать...

Командир дивизии поставил задачу частям. Затем послал офицера оперативного отделения к Хромозину — ввести его в курс предстоящего боя...

Через полчаса передний край ожил. В ночной тишине, стараясь не производить шума, меняли позиции стрелковые роты, солдаты перетаскивали орудия, подтягивались минометчики. Неподалеку, в кустистой балке, на малых оборотах танкисты прогревали моторы. Дивизия готовилась к броску.

— Ну а свой КП, Дмитрий Васильевич, я переносу сюда, — сказал Черноус майору Чубу. — Так лучше будет. Как думаешь?

Командир полка молчал. Ему не хотелось уходить из немецкой обжитой землянки.

— Конечно, тут ближе к противнику, — сказал он. — Правда, опаснее, но зато все видно. Лучше управлять войсками...

— Я тоже так думаю! — засмеялся Черноус. — Ну а ты помни: неудача родит мудрость. Забыл, кто это сказал из военных. В общем-то, правильно, умно сказано, мудрость не приходит сама, для этого должны быть условия, причины. Нам это положено знать...

— И положено и необходимо, — ответил майор Чуб. В три часа пятнадцать минут, когда лес и поля еще спали, взвились три красные ракеты. Вслед за ними где-то ударило тяжелое орудие, потом заговорили батареи. В тылу заурчали моторы танков. Громко, раскатисто за-

стучали станковые пулеметы, а через несколько минут в воздухе еле слышно пронеслись наши самолеты. Протяжно «проревели» «катюши», их длинные огневые кометы понеслись в сторону врага.

«Началось», — подумал Черноус и вышел из землянки.

Передний край светился яркими вспышками, грохотал разрывами снарядов.

Бой разгорался. Цепляясь за хорошо подготовленный рубеж обороны, противник оказывал ожесточенное сопротивление. На участке батальона капитана Серебрякова гитлеровцы даже пытались перейти в контратаку. Но брошенная сюда рота автоматчиков решила исход: немцы были выбиты из траншей.

Видимо, противник все-таки не ожидал ночной атаки, упорство его заметно слабело, а порыв наступавших все возрастал. И когда чуть забрезжил рассвет, в землянке Черноуса надсадно затрещал телефон. Звонок был долгий, громкий. Генерал взял трубку и услышал голос Хромозина.

— Холмы оседлал. Левенцов ворвался в Дзинтари! — докладывал командир полка о своем передовом батальоне. — Но немец огрызается. Для развития успеха нужна помощь.

Генерал доволен, лицо его посветлело, он точно помолодел: Дзинтари взяты. Правда, просьба о помощи ему не понравилась. Не было у него резервов.

— Слушай, Максим Ильич, — говорил Черноус, — ты военную историю изучал?

— Приходилось, — ответил Хромозин.

— Так вот, напоминаю один интересный случай. При взятии Измаила, командуя колонной войск, Кутузов попросил у Суворова помощи. Знаешь, что получил в ответ?

Трубка молчала.

— Не знаешь? Суворов сказал: «Назначаю тебя комендантом Измаила». Уразумел? Комендантом еще не взятого города.

В трубке зашумело, потом раздалось покашливание.

— Вот и я говорю: бери эти самые Мазнелеки! Главное было взять Дзинтари. Они — основа опорного пункта. Мазнелеки на фланге легче достанутся... Теперь ты за фланги не беспокойся, там Чуб и Владимирский. А резерв у меня был, да весь вышел. Весь. Огоньком помогу, артиллерию и танки подброшу, а людей едва ли. В общем, действуй...

Черноус снова углубился в изучение оперативной карты и не заметил, как в землянку кто-то вошел.

— Офицер оперативного отдела 6-й гвардейской армии майор Пономарев! Прибыл по заданию командующего, — доложил вошедший.

— Отлично! — Черноус поздоровался с офицером и сказал: — Можете доложить генералу Чистякову: сорок седьмая дивизия Дзинтари взяла, путь корпусу открыт.

Черноус улыбался; под внимательными, много видевшими глазами разбежались лучики морщинок. «Вовремя, очень кстати прибыл майор», — думал он, глядя на невысокого молодого офицера. Командиру дивизии было приятно сообщить о взятии Дзинтари: он знал, в штабе армии давно ждали этого.

— Вызывай еще раз Хромозина, — приказал комдив телефонисту, а сам стал по карте пояснять прибывшему майору положение частей.

— Командир полка! — доложил вскоре телефонист. Черноус взял трубку.

— Как у тебя дела? — спросил он Хромозина. — Продвигаешься успешно? Хорошо, очень хорошо. Слушай, Максим Ильич, я подпираю тебя. КП переносу в Дзинтари! А ты перебирайся поближе к Мазнелеки.

Хромозин что-то начал говорить, но Черноус перебил его:

— Не страшай меня опасностью. Она на войне везде и всегда. В общем, я перехожу в Дзинтари.

Командир дивизии потер ладонями виски, аккуратно свернул карту и убрал ее в планшет. В небольшое оконце землянки заглядывал бледный рассвет. Очень хотелось спать, но сейчас Черноусу было не до сна.

Впереди гремел бой.

ИМЕНЕМ ОТВАЖНОГО РАЗВЕДЧИКА

Всю ночь шел дождь. Сильный, грозовой, какие бывают весной в Прибалтике: с раскатами грома и молниями. Залило окопы и блиндажи, в низинах ни пройти ни проехать. На переднем крае установилась тишина. Молчали наши, молчал и противник.

Утром стрелковый полк остановился в лесу перед заболоченной низиной. Здесь его и застал дождь. Теперь о наступлении не могло быть и речи: боеприпасы на исходе, а тылы отстали, жди, пока подвезут по раскисшей земле.

Командир полка Егор Ковнеров стоял на опушке леса и хмуро смотрел вперед. На участке полка сложилось тяжелое положение. Сырость, казалось, насквозь пропитала землю.

Подошел почтальон, невысокий, худощавый солдат.
— Товарищ полковник, вам письмо...

— Письмо? — оторвавшись от дум, сказал Ковнеров.
Командир полка вскрыл небольшой зеленый конверт.

«...И порешили мы свой населенный пункт переименовать в Судьинку — в честь павшего за нашу землю отважного разведчика Виктора Судьина, — писали жители литовского селения Попришкувяй. — Мы будем содержать в образцовом порядке могилы воинов армии-освободительницы...»

Полковник оторвал взгляд от письма. Вспомнилась прошлогодняя осень: в лесу было холодно и так же сы-

ро, как сейчас; правда, то была осенняя, промозглая сырость. Настроение незавидное, не слышались шутки, никто не смеялся. Накрывшись плащ-палатками, солдаты, не переставая, чадили махоркой. На широкой, обезображенной разрывами снарядов луговине закрепились роты полка.

Гитлеровцы находились в более выгодном положении; они отсиживались на высотах, господствовавших над местностью. Густая роща скрывала их огневые позиции. Трудно было определить, откуда ведется огонь, где установлены минометы, орудия, пулеметы.

«Герои не умирают! Они будут вечно жить в народе. Мы не забудем павших в честном бою...» — читал дальше полковник письмо литовских крестьян.

А мысли одна за другой ворошили прошлое. Вспомнилось Ковнерову, как он тогда волновался, то и дело выходил из землянки, подолгу смотрел в бинокль на высоты, потом смотрел на карту, но нужное решение не созревало. Не забывалось и то, как он сам выделил группу разведчиков, проинструктировал их. Группу возглавил старший сержант Виктор Судьин. Это был знатный воин, имел пять боевых наград. В бою Судьин был отчаянно смелым, ловким и находчивым. Когда случалось с глазу на глаз встречаться с врагом, умел перехитрить его, обмануть. Это знал командир полка. «На такого можно положиться», — думалось Ковнерову, когда он ставил задачу разведчикам.

И вот Судьин, а с ним еще двое пропали. Ушли за передний край, и вторые сутки о них ни слуху ни духу. Все волновались.

— Не вернулись? — спрашивал у Ковнерова замполит полка.

— Нет еще...

— Неужели погибли?

— Не верится. Судьин не такой человек...

Так прошли день и ночь, наступило утро. И снова:

— Еще не вернулись?

— Пока нет...

— Значит, попали в беду. Придется вѣсылать вторую группу на розыск.

— Подождем до утра.

И ждали. В тревоге и напряжении ждали. А поздно вечером, когда вторая группа разведчиков собралась на задание, боевое охранение задержало двух мальчишек. Несмотря на ненастную погоду, ребята были босы, плохо одеты, выглядели измученными. На изнуренных худеньких лицах отчетливо выделялись скулы. Мальчики были грязные, с вихрами спутанных, давно невытых волос.

Тот, что был постарше и побойчее, назвался Колей. Когда их вели в расположение полка, он ко всему присматривался: видно, хотел запомнить обратную дорогу. Второй, низенький, с тонкой шеей и большими серыми глазами, сказал, что его зовут Петей. Он не шел, а бежал, семеня короткими ногами и то и дело шмыгая носом.

Командиру доложили о ребятах. Полковник оживился. «А может, что скажут о разведчиках?..» — подумал он.

— Давай их сюда! — приказал Ковнеров.

Озираясь по сторонам, мальчишки вошли робко в землянку. В ней было тепло, чадила самодельная лампа, то и дело звонил в углу телефон, заходили и уходили войны.

Лицо Пети расплылось в широкую довольную улыбку, и глаза радостно заблестели: в землянке топилась железная печь, а от буханки хлеба и двух котелков, что стояли на маленьком столике, исходил вкусный запах.

— Кто такие? — стараясь быть мягче, спросил Ковнеров у мальчиков.

— Мы попрishкувьяйские, дяденька... — начал тот, что постарше.

— Чего по переднему краю ходите? Убить и поранить может.

— Командир, наверное, вы и есть? — неожиданно спросил Коля, пристально глядя на Ковнерова. — Он нам сказал: высокий такой, здоровый. Вы, значит, и есть командир. Мы сразу узнали.

— А кто же вам это сказал? — оживился Ковнеров.

— Да разведчик ваш. Как его... Забыли вот только фамилию.

— Дело у нас есть. Так самый старший командир вы?.. — перебивая товарища, спросил второй мальчик.

Ковнеров насторожился, чуть подсказывало, что ребята могут сообщить что-то важное. Все больше располагаясь к ним, он сказал:

— Ну, я здесь старший. Какое же у вас дело?

— Нам надо передать данные разведки.

— Очень важно это. Они... — снова перебил товарища Петя.

— Ничего не пойму: какая разведка, какие данные?

— Да ваши разведчики попали в беду. Старший их просил передать, — продолжал Коля.

— Сказал, надо быстрее найти самого главного командира, — не унимался Петя, шмыгая носом, — и сказать ему, что...

Ковнеров и все присутствующие в землянке переглянулись.

Ребят усадили на снарядный ящик, стоящий на полу.

— Рассказывайте все по порядку, не торопясь. Говорите по одному.

— В овраге он. В кустах лежит, раненный, — заговорил Коля.

— Не Судьин ли? — спросил Ковнеров.

— Ага, Судьин! Судьин! — обрадовались мальчики.

— Как же вы нашли его?

Коля посмотрел на Петю и, немного смущаясь, объяснил:

— Коза у нас убежала, мы искали ее. Смотрим, в кустах лежит наш солдат. Подошли, а у него весь бок в крови. Стонет тихонько.

— Как же немцы козу вашу не тронули? Ведь живность это, — спросил Ковнеров, желая перепроверить сказанное.

— Так ведь фашисты коз не едят. Говорят, их мясо воняет. Коров и телят всех порезали, а козу не тронули...

— Ну и что было дальше?

— Сначала разведчик за автомат схватился. Ведь неизвестно, кто мы такие. Потом понял: бояться нас нечего.

— А как вы пробрались сюда?

— Только начало темнеть, мы в овраг спустились и по кустарнику ползком.

— Что же разведчик сказал вам? — допытывался Ковнеров.

— Он сказал, что идти не может. А те двое, что с ним были, погибли. Мина их накрыла. Судьин и объяснил нам, где можно пробраться к вам. По оврагу, говорил он, а потом кустарниками.

— Ну а что еще сказал?

— Он просил передать, что стрелять по роще — только боеприпасы портить. Минометы у немцев стоят на правой опушке, в землю вкопаны. А пулеметы — на деревьях, слева. Площадки на ветвях из досок построены. Оттуда и стреляют... Еще говорил, что вчера немцы пять пушек подтащили к роще.

Полковник чувствовал: мальчикам можно верить.

— Значит, пулеметы — слева на деревьях, а мино-

меты — справа, в земле?
Так, что ли?..

— Да. А пехота у немцев в блиндажах. Также на обеих опушках рощи расположена. Судьин сказал, что по середине рощи пусто: стрелять туда не надо...

— Так Судьин и сказал? — переспросил Ковнеров, заинтересовавшись этим важным сообщением.

— Ага. Он просил обязательно передать вам это. Говорит, очень важно...

— Так, так, — все более оживлялся командир полка. — А вы можете показать, где лежит разведчик?

— Конечно можем!.. — в один голос воскликнули ребята. — Сразу найдем его.

...И вот сейчас, держа в руках письмо из Попришкувя, Ковнеров словно вновь видел перед собой мальчиков, их возбужденные лица, слышал их голоса. Перед его мысленным взором встала и та роща, которая очень мешала наступлению. Высокая, густая, она была загадкой и, поливая огнем, немало вывела из строя солдат.

Все это всплыло в памяти, вспомнилось до мелочей... Ребят тогда накормили, они отогрелись, а ночью вместе с тремя разведчиками по оврагу пробрались через передний край, к Судьину.

Е. Е. Ковнеров

Но разведчики не нашли старшего сержанта. Потом они рассказали, что вызывать его голосом в кустарнике не решились: немцы кругом. А полуживой, окровавленный Судьин всю ночь полз через передний край. Обесиленный, он еле двигался, часто отдыхал, но не сдавался. Под утро старший сержант увидел окопы своего полка. Увидел... но уже не смог доползти до них. Уже мертвого его подобрало наше боевое охранение.

Судьина похоронили на опушке сосновой рощи, возле освобожденного селения. Сюда пришли однополчане разведчика, собрались и местные жители, кто уцелел. Речи были короткие, слова пламенные: боевые друзья Виктора Судьина клялись мстить за товарища. Выступающие граждане села Попришкувуй обещали в образцовом порядке содержать могилу, не забывать о погибших воинах. Когда прозвучал троекратный прощальный салют, женщины заплакали.

В первую же ночь счет памяти разведчика Судьина открыл друг погибшего ефрейтор Наум Головин. Он вступил в единоборство с тремя фашистами: двоих убил, а третьего со связанными руками приволок на свою территорию. С того утра на счету Судьина росло количество убитых гитлеровцев. Каждый старался увеличить счет.

Прошли месяцы. И сейчас, читая письмо из Прибалтики, командир полка подумал: «Шестая награда — орден Отечественной войны первой степени, которым Судьин был награжден посмертно, — выслана на память родителям. А в полку? Кончится война, разъедутся фронтовики по домам и забудут Судьина...» Неужели так будет? Эта мысль опечалила полковника, показалась даже обидной. Он вызвал помощника начальника штаба.

— Напишите представление... Старшего сержанта Виктора Судьина навечно занести в списки полка, —

приказал Ковнеров. Потом, немного подумав, добавил:—
Вместе с замполитом коротко опишите подвиг героя...

Время ускоряло свой стремительный бег. Далеко на запад с боями ушла дивизия. Но вот отгремели оружейные раскаты, наступил день, которого ждал весь мир. Пришла победа... Из-за рубежа, с берегов Дуная, дивизия вернулась на Родину. Теплой и радостной была встреча воинов-победителей с кишиневцами. Наши полки расположились в молдавской столице.

Осенью 1945 года, когда части отправляли солдат по домам, в полк снова пришло письмо:

«Сегодня, в славную годовщину Октября, с берегов Балтийского моря шлем Вам эти сердечные строки... Мы свято чтим память героя Виктора Судьина, павшего у нашего селения. На могиле поставлен памятник, посажены деревья. Девушки и пионеры возлагают венки. Дорога к могиле героя не зарастет травой, эта могила близка сердцу каждого из нас.

С тех пор как вы освободили нас, прошел год, но селение стало неузнаваемым. Жилые дома почти все восстановлены. Работает школа, клуб, библиотека. Отремонтирована взорванная немцами мельница.

Мы никогда не забудем своих освободителей. Не забудем Виктора Судьина...»

Письмо зачитали в ротах. А вечером бывший сержант, ставший уже младшим лейтенантом, Валентин Егоров пришел в штаб. Он хорошо знал старшего сержанта Судьина, дружил с ним, они долго воевали вместе.

— Товарищ командир полка! — взволнованно начал молодой офицер. — Три года мы с Судьиным ползали по передовой. Не раз выручали друг друга из беды. Не могу я, прочитав это письмо, не съездить на его могилу.

Он подал командиру рапорт с просьбой о краткосрочном отпуске.

— Хорошо бы поехать не одному, а с кем-нибудь из товарищей, кто знал Судьина. Это будет солдатская почесть погибшему воину.

Командир полка согласился с молодым офицером.

...Через три дня поезд шел по Прибалтике. За окном вагона проплывали хвойные леса, селения с вновь отстроенными домами. Кругом поля и леса... Младший лейтенант Егоров и старшина Самойчук не отрываясь смотрели в окно. Многие напомнили им эти места. Здесь гремели бои. Землю перепахивали разрывы авиабомб и снарядов, утюжили фашистские танки. Здесь проливали кровь наши воины, солдаты теряли боевых друзей однополчан...

Утром поезд остановился на небольшой станции. Егоров и Самойчук вышли из вагона. Близко шумел молодой сосновый лес. Справа начинались поля. Желтое жнивье взбиралось на косогор, терялось далеко у горизонта. Легкий ветерок теребил мохнатые шапки сосен, шелестел пожухлой травой. Над полями висело синее небо. Осень наложила свой отпечаток на окрестности. Но день был теплый, солнечный.

Друзья шли полем. Нахлынули воспоминания жарких фронтовых дней: походы, бои, удачи и горечи. Они вспоминали Судьина, боевых друзей полка, с которыми ходили в атаки, мерзли в окопах, не раз делили сухарь или щепотку махорки. Вспоминалось все, что было...

Поле кончилось, началась роща. Рослые сосны наступали со всех сторон на дорогу. «Ведь эти деревья и тогда уже здесь стояли, они были свидетелями суровых боев. В некоторых и сейчас сидят пули...» — думал Егоров.

А вот и ручей. Вспомнилось: здесь батальон Дергачева поднялся в атаку на немецкий полк. А на этой опушке... Но что это? Впереди — чугунная ограда. По-

середине — высокий обелиск. По бокам стояли с опавшими листьями молодые деревца. Чьи-то заботливые руки высадили на могиле цветы. Сейчас они не горели яркими красками, не переливались на солнце, а усыпленные и погашенные осенью только чуть колыхались от ветерка. Сухой, золотистый песок покрывал землю в оградке. Совсем рядом, теперь уже неузнаваемое, сверкало отстроенными светлыми домиками селение. Тогда оно было совсем другим...

«Могилы воина-освободителя... Здесь лежит солдат нашего полка...» — подумали Егоров и Самойчук и, не сговариваясь, сняли фуражки, опустили на колени и застыли в скорбном молчании над прахом боевого друга, отдавая заслуженную дань герою. Перед ними на блестящей металлической пластине, вделанной в обелиск, ниже имени Судьина ярко горели слова: «Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины».

„ГДЕ ЖЕ ВЫ ТЕПЕРЬ, ДРУЗЬЯ-ОДНОПОЛЧАНЕ?“

В последние годы мне удалось разыскать немало однополчан. С одними я встречался, а с другими завел переписку. Сержант Егор Наумов, с которым читатель познакомился в начале книги, живет в Белоруссии, работает мастером цеха на заводе. Много лет бережет он военную форму, носит ее только по большим праздникам. Полный кавалер ордена Славы старшина Илья Репин, демобилизовавшись, уехал на родную Орловщину, в деревню Коснаровку, за которую ему довелось сражаться в дни войны. Сейчас Илья Харитонович заведует колхозной молочно-товарной фермой.

Года три тому назад я отдыхал в санатории в Одессе. Там разыскал своего командира дивизии генерала Черноуса. Встретились мы тепло, душевно... Павел Васильевич работал директором большого совхоза. В Одессе живут однополчане: майор запаса М. Гринберг, бывший командир разведроты Н. Сак, сержант А. Решетняк. Товарищи сделали мне приятный сюрприз. Зная, что несколько бывших воинов нашей дивизии работают в Кишиневе, они созвонились с ними. И в одно из воскресений в санаторий явились мои фронтовые друзья. Я очень обрадовался им: ведь сколько вместе прой-

дено суровых военных дорог, сколько видели горя и радости.

Однополчане говорят:

— Идемте в гости к Черноусу...

Собралось нас немало. Помимо одесситов и кишиневцев с нами был и приехавший с женой из города Бендеры наш командир артполка подполковник В. Петрухин. В общем, собралось человек двадцать.

— Удобно ли? Навалимся целым взводом... — спросил я.

— Он же генерал, а теперь и директор еще. Не обеднеет... — шутили товарищи.

Генерал и его жена Нина Трофимовна встретили нас радушно и пригласили за стол. Нину Трофимовну мы все хорошо знали и очень уважали. Она вместе с нами прошла по суровым дорогам войны. Это была настоящая боевая подруга, труженица в солдатской шинели. Оставив сына и дочь у своих родителей, Нина Трофимовна почти всю войну была на фронте. Она делала все: служила писарем в штабе, перевязывала раненых на поле боя, работала телефонисткой.

Интересной была эта встреча. Мы много говорили о пережитом, о трудных боевых годах, о живых и погибших товарищах.

За столом, конечно, добрым словом вспомнили однополчан — тех, кто был верен воинскому долгу и, не зная страха в борьбе с врагом, уверенно шел трудной фронтовой дорогой. Прежде всего, с большой теплотой и гордостью товарищи говорили о Героях Советского Союза, лейтенантах Зуеве и Веденко и рядовом Дуничеве, прославивших нашу дивизию. Не забыли и храбрейших разведчиков, которые первыми в соединении получили орден Ленина, — капитана Мамайчука и старшего лейтенанта Барабанщикова. Не обошли, разумеется, и капитана Максимова...

Шумно, перебивая друг друга, вспоминая волнующие подробности боевых действий, заговорили о наших отважных комбатах Дергачеве, Алферове, Левенцове, Юдине, Омельченко, Азарове, Федосове, а также и о неутомимых ротных командирах Елисееве, Горшкове, Завьялове, парторгах рот Ватутине, Тарейкине, Лапине. Искренними словами благодарности наделили и артиллеристов майоров Соколова, Шитова, капитана Пугачева, политработников майоров Ермакова, Соловьева, Рейдмана и других.

Часто слышалось за столом: «А помните Полоцк?», «А Приекуле?» или «Тогда мы стояли уже под Бухарестом...».

Потом Черноус рассказал о трудностях на новом прище, о перспективах развития хозяйства совхоза. Павел Васильевич полон планов, живет будущим...

Долго пришлось разыскивать мне одного из храбрейших командиров полка нашей дивизии Максима Хромозина. И вот у меня в руках официальный документ. Нет, не снял погоны Хромозин! Он продолжает службу в Советской Армии. Не удавалось долго отыскать другого прославленного командира 148-го стрелкового полка Егора Ефимовича Ковнерова. Но недавно нашелся и он. Сейчас Ковнеров на пенсии, живет в Чернигове.

Ефрейтор Василий Кудряшов после войны уехал к внучатам в Сибирь. Семьдесят лет стукнуло солдату трех войн, Георгиевскому кавалеру. Недавно получил от него весточку, пишет: «Жив, здоров. Понемногу работаю по дому. Приглашаю в гости...»

Очень хотелось найти сына нашего полка — маленького Васятку, которого ефрейтор Кудряшов вынес с «ничейной» полосы. Писал письма, запрашивал однополчан. И вот дошли слухи: Василий Кусков окончил военное училище, он лейтенант, командует взводом в войсках,

Автор книги Ф. А. Третьяков среди друзей-однополчан

расположенных за рубежом Родины. Очень приятно, если это так; значит, пригодилась ему фронтовая закалка, полученная в детстве.

Прославленный артиллерист старшина Прокопий Елисеев живет в Днепропетровске, работает сталеваром. Снайпер Василий Зонин после войны окончил машиностроительный институт, теперь он — сменный инженер на уральском заводе. Василий Ефимович мечтает стать ученым. Недавно сдал кандидатский минимум. Готовится к защите диссертации.

Продолжает служить в армии и бывший секретарь нашей дивизионной газеты «На разгром врага» Борис Брюханов. Он запомнился высоким, стройным воином. Почему-то казалось, что он прямо со школьной скамьи попал на фронт. Борис был энергичным, пытливым журналистом, подолгу бывал на переднем крае. Его хорошо знали солдаты, ждали от него интересных и ярких очерков о героях боев. Теперь Брюханов подполковник, работает постоянным корреспондентом «Красной звезды» по Дальнему Востоку.

Получил я и печальное известие. Наш отважный командир стрелкового батальона, Герой Советского Союза майор Алеша Зуев, умер. Бывает же так: не перечислишь все бои, в которых участвовал человек, сотни раз смотрел смерти в глаза, ни пули, ни снаряды, ни мины не брали его. На фронте смерть обходила стороной, уцелел Алеша, а в мирные дни нашла его. Заболел Зуев и умер в Полтаве... Не хочется верить в это сообщение.

А не так давно пришло письмо из Оболи, где похоронен герой боев за Оболь Виктор Веденко. Юные краеведы средней школы пишут: «Мы чтим память героя Веденко. У нас в школе оборудован «Уголок славы»... ведем переписку с семьей Виктора Антоновича. Веденко

похоронен на кладбище против школы, на могиле поставлен памятник... Пионеры ухаживают за могилой.

Приезжайте, пожалуйста, в Оболь. Нам будет интересно встретиться с вами, послушать рассказ о боях и походах вашей части. Нам известно, что вы пишете книгу о героях своей дивизии, которая освобождала Белоруссию, в том числе и станцию Оболь. Очень просим выслать нам эту книгу...»

К письму приложена фотография могилы и памятника Виктору Веденко. Значит, живет память о нашем герое, не затерялся его след.

А как сложилась судьба наших мужественных воинов, имена которых на фронте произносились с гордостью, полных кавалеров ордена Славы старшины В. Попова, старшего сержанта Ф. Харисова, ефрейтора И. Фомина и других?

Может быть, прочитав эту книгу, кто-нибудь откликнется, пришлет весточку?

Прошло два десятилетия, как отгремели пушки. Многое изменилось с тех пор. Уже седыми стали отцы, постарели матери, а дети, родившиеся в войну, теперь сами служат в армии. Они приняли эстафету отцов-солдат. Победители давно сняли шинели, вернулись к мирному труду. Солдаты, совершившие на поле брани подвиг, продолжают его на мирном поприще. Это — лучший памятник тем, кто не вернулся с войны, кто погиб во имя жизни и незримо шагает рядом.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Встреча на станции	3
Сержант Илья Репин	13
Ночью по тылам врага	25
„...А до смерти четыре шага“	33
Высота не была безыменной	41
Анюта	51
Герой трех войн	56
На берегах Оболи	66
На переднем крае	83
Человек в шинели	90
Русский солдат Матвей Долгухин	100
Новогодний подарок	114
Дзинтари	122
Именем отважного разведчика	136
„Где же вы теперь, друзья-однополчане?“	146

Федор Андреевич Третьяков

ЧЕЛОВЕК В ШИНЕЛИ

М., Воениздат, 1966, 152 с.

Редактор *Громов О. В.*

Художественный редактор *Гречиго Г. В.*

Обложка художника *Айзмана О. И.*

Технический редактор *Репнина Л. Г.*

Корректор *Новицкая Г. Н.*

Сдано в набор 10.2.66 г.

Подписано к печати 26.7.66 г.

Г-33266.

Формат бумаги $70 \times 108^{2/32} = 4,75$ печ. л.—6,508 усл. печ. л.—6,183 уч.-изд. л.

Тираж 30000.

Цена 18 коп.

Изд. № 1/7739.

Зак. 60

1-я типография

Военного издательства Министерства обороны СССР

Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3

Цена 18 коп.